

АЛМАЗ
ЛОРДА
ГАМИЛЬТОНА

еня посмотрела на часы, мысленно чертыхнулась и махнула проезжающей маршрутке. Времени в обрез, едва-едва она успевает. Снова проспала и не услышала будильник. Ну что же с ней такое! Как ляжет — так словно проваливается в сон, пушками не разбудишь, как говорила в свое время бабушка. Ох и намучилась она с Женей. Каждый раз в школу со скандалом приходилось поднимать.

В маршрутке Женя сунулась в сумку за кошельком и обомлела. Кошелька не было. Вот косметичка, расческа, капли для глаз от аллергии, какая-то бумажка, ах да, вытащила из почтового ящика уведомление насчет заказного письма... и все. Ни кошелька, ни мобильного. Вытащили? Да когда успели, она же только что вышла из дома, в транспорте не толкалась. Еще ключи...

Ключи нашлись в кармане куртки. Ну да, положила их туда, когда почтовый ящик открывала. И ума не хватило кошелек проверить, потому что теперь Женя понимает, что просто его забыла.

Мобильник тоже нашелся — в другом кармане. Ну да, начальник звонил, как раз когда она собиралась в спешке. Ты, орет, где? Где-где, в Караганде, так хотелось ответить. Да разве можно... Уже еду,

8 сказала. Смотри, Евгения, он говорит, если не передашь документы, большие неприятности у фирмы могут быть.

У фирмы! Да что ей до фирмы, ее начальник выгонит, как только узнает, что поезд ушел, а она не успела. Расторгуев этот, московский его компаньон, небось тут же позвонит, вечно, скажет, вы девчонку безответственную посылаете, вот она и путает все. Ух, что начальник с ней сделает!

Хотя ничего особенного, просто велит ее на работу не пускать. Так и скажет — пошла вон! Орать не будет. Если бы орал, то еще надежда есть, что пар выпустит и простит. А так... уж Женя знает.

— Дэвушка, ты платить-то будэшь? — спросил водитель.

Вот тут Женя испугалась по-настоящему. Высадит ведь сейчас, без денег-то. И она точно к «Сапсану» московскому опоздает. И Расторгуев уедет без документов — вот она, папка-то, под мышкой зажата.

Черт дернул ее взять сегодня новую сумку! Захотелось на Расторгуева впечатление произвести? Вот уж глупость какая! Ему до нее никакого дела нету. Пока переключивала вещи, забыла про кошелек, да еще начальник так не вовремя позвонил.

Женины руки в это время шарили по карманам. Хоть и плохая привычка мелкие деньги в карманах носить, но сейчас сослужила службу, Женя выудила из кармана горсть мелочи, долго считала, оказалось, что не хватает трех рублей.

— Уж извините, кошелек забыла, — промямлила она, ожидая, что вредный водитель сейчас остановит маршрутку и ее высадят. Но тот что-то буркнул и поехал дальше.

Женя снова взглянула на часы. Если удачно миновать пробки, то она успеет. На душе немного полегчало, она прошла на свободное место и села рядом со старушкой в джинсовой панаме. Случайно задела ее папкой, что зажата под мышкой, и тяжело вздохнула — разорется сейчас бабка, уж этих хлебом не корми, дай поорать. Женя даже извиняться не стала — что толку? Но старушка ничего не сказала, только подвинулась и отвернулась к окну.

Женя откинулась на сиденье. Нужно успокоиться, и хорошо бы хоть причесаться, что ли. И хоть немного освежить макияж. А то прискачет она к поезду такой всклоченной, с дикими глазами, Расторгуев зануда такой, ей, конечно, ничего не скажет — еще чего, много чести, а начальнику потом выскажет.

Хотя какое, в сущности, ему дело? Есть такие мужики — обязательно им надо власть свою проявить, ценные указания всем раздать, как будто без них никто не разберется, что делать.

И как с ним жена живет, небось завоспитывал совсем. Хотя Верка, секретарша, вроде бы говорила, что Расторгуев с женой развелся. Ну ясно, довел женщину своими бесконечными придирками до ручки, она его и бросила, обобрала небось при разводе как липку.

Тут Женя опомнилась. Опять ее занесло. Уже целую историю выдумала про Расторгуева этого, да она и знать не знает, как он в Москве своей живет! Вечно ты в облаках витаешь, говорила в таких случаях бабушка и была, конечно, права. Оттого у Жени все и валится из рук, оттого все время она опаздывает, и будильника не слышит, и вещи забывает, что не может сосредоточиться на главном, на работе.

10 А что работа, тут же возразила себе Женя. Подумаешь, очень важная у нее работа, то бумаги передать, то заказ куда-то отвезти. То на телефоне посидеть, то канцтовары получить, девочка на побегушках, в общем. Скучная работа.

Женя с удовольствием оглядела новую сумку. Вроде бы ничего, выглядит прилично, а уж сколько прослужит, это вопрос. Она бросила взгляд вперед и обомлела. На переднем сиденье сидела девица. Справедливости ради, ничего себе — волосы светлые пышные, плащ приличный, туфли дорогие. Но сумка...

Сумка была точная копией Жениной, вернее, это у Жени была жалкая копия той сумки, а у девицы — настоящая, дорогой известной фирмы. И теперь, когда взгляд перебежал с той сумки на Женину, было ясно, какая это дешевка.

Настроение сразу испортилось. Женя посидела немного, затем переложила папку с документами в левую руку, а сумку спрятала на место папки, под мышку. Она посмотрела на светлые пышные волосы с ненавистью и представила, что это парик. А под париком девица абсолютно лысая, просто как коленка. И ноги кривые.

Женя потрясла головой — снова ее заносит, нужно взять себя в руки. Вот, кстати, ее остановка, сейчас она выйдет и позабудет про девицу с ее дорогой сумкой.

Но — вот уж свинство-то! — девица встала перед дверью, оказывается, ей тоже нужно выходить. Женя зажала сумку под мышкой и прошла по проходу следом. Когда дверь открылась, ей захотелось пнуть девицу в зад, потому что было видно, что никакой на ней не парик, волосы густые, свои, хорошо уложенные. И ноги не кривые, чешет себе на каблуках впереди, как модель какая-то.

Женя взглянула на часы и припустила следом, оказывается им с девицей еще и по пути.

Та на ходу говорила по телефону. Тихо что-то сказала и отключилась. Потом оглянулась, и Женя увидела ее лицо. Нормальное такое лицо, ухоженное, косметика дорогая.

Хватит, сказала она себе, нужно торопиться, а то поезд с Расторгуевым уйдет. Она прибавила шагу, но девица все равно оказалась впереди. И только на переходе Женя ее догнала. И встала чуть в стороне, чтобы сумки рядом не оказались. Вот светофор как раз переключился на красный, и пешеходам загорелся зелененький человечек.

Девица впереди сделала шаг вперед на мостовую, и тут, откуда ни возьмись, рванулась черная машина. С жутким скрипом покрышек по асфальту машина с размаху наехала на девицу. Тело в светлом плаще подняло в воздух и бросило на асфальт.

Женя машинально шарахнулась в сторону, налетела на поребрик и упала. Из глаз от боли посыпались искры, а когда они рассеялись, она увидела совсем рядом бледное до синевы лицо и мертвые глаза девушки, и под головой ее расплывалась уже красная лужа.

Уши у Жени заложило, она увидела только, как черная машина бесшумно рванулась с места и скрылась вдали. Остановились другие машины, вокруг собирались люди.

Женя ощутила, как бок давит поребрик и с трудом села. Улица покачнулась, но встала на место, и звуки прорезались. Одновременно Женя вспомнила, куда шла, и посмотрела на часы.

Надо же, прошло всего три минуты, а ей казалось, что все так долго. Ну да, вон люди еще только под-

12 бегают, вон, мужчина какой-то за телефон схватился.

Тут до нее дошло, что сейчас приедет «Скорая», потом полиция, ее обязательно запишут в свидетели и не отпустят. И она опоздает к поезду. Что толку, что у нее уважительная причина? Хоть сто справок от полиции принесет, Расторгуеву ее причины по фигу, он обязательно нажалуется начальнику, и тот выгонит Женю с работы. А хоть работа у нее неинтересная, скучная и платят немного, но и такую сейчас не очень-то легко найти.

Женя наскоро ошупала руки и ноги. Вроде бы ничего не сломано и даже не болит, вот только руку оцарапала об асфальт. Женя попыталась встать и тут хватилась папки. Да вот же она, рядом лежит, к счастью, не раскрылась. А сумка почему-то в стороне. Женя тихонько отползла в сторону от тела. Ее тут же заслонила здоровенная тетка, которая наклонилась над пострадавшей.

— Убили! — взвизгнула она. — Насмерть убили! Мертвая она, совсем мертвая!

— Да отойдите вы! — приструнил тетку высокий мужчина с телефоном. — Сейчас «Скорая» подъедет, они на уличные происшествия быстро приезжают!

Поглядев по сторонам и убедившись, что ее никто не замечает, Женя нашарила сумку и осторожно поднялась на ноги. Все хорошо, ноги держат, голова не кружится.

А теперь — ходу отсюда.

К поезду Женя успела впритык. Еще издали увидела фигуру Расторгуева, который нервно топтался у вагона, то и дело поглядывая на часы. Женя приготовилась оправдываться, но почувствовала, что не может вымолвить ни слова. Расторгуев же, увидев ее, отчего-то уди-

вился, небось ожидал, что она не придет, и готовился уже пожаловаться на нее начальнику. 13

— Доброе утро! — громко сглотнув, произнес Расторгуев.

Женя молча протянула ему папку, потому что в горле пересохло и она не смогла выдать из себя ни слова. Еще бы, неслась как ненормальная всю дорогу.

Расторгуев открыл папку и бегло проглядел ее содержимое. Он что, думал, что Женя вместо документов подложила ему пустые листы или стопку неприличных журналов? А вот интересно, какое у него было бы лицо?..

— Все в порядке, — сказал Расторгуев, — спасибо вам, Женя. Вот, возьмите. Вы торопились, старались, бежали...

Он что, деньги ей собирается предложить? Как будто она горничная из отеля, а он разлил кофе или ликер, вот и вызвал горничную во внеурочное время. Или мальчишка, который стекло в машине протер. От злости у Жени прибавилось сил.

Это оказалась всего лишь шоколадка. Московская, большая, известной фабрики.

— Для поддержки сил, — Расторгуев улыбнулся. Чуть-чуть раздвинул губы, и глаза блеснули.

— Благодарю вас, — церемонно ответила Женя, — это моя работа.

Но шоколадку взяла, с некоторым злорадством отметив, что у него в глазах улыбка уступила место растерянности.

— Ну что ж, — сказал он, — мне, пожалуй, пора...

Проводница уже махала ему рукой.

— Всего вам хорошего, счастливого пути, — так же церемонно сказала Женя, развернулась и пошла по перрону, не дожидаясь отправления поезда. Не хвата-

14 ло еще махать ему вслед платочком и бежать за вагоном, обливаясь слезами. Черт, снова ее заносит!

Женя вошла в здание вокзала, случайно увидела в стеклянной витрине маленького магазинчика свое отражение и оторопела. Волосы торчат, как у больного ежа иголки, тушь под глазами размазана, рукав куртки в пыли, а на тыльной стороне ладони здоровенная кровоточащая ссадина. Да, в хорошем виде показалась она Расторгуеву. Впрочем, наплевать на него, он свою папку получил и пускай едет к себе в Москву.

Нужно срочно привести себя в порядок.

Она направилась было в угол зала к туалетам, но вспомнила, что они платные. А у нее ни копейки денег, непонятно, как до работы добираться. Ну что же это такое!

Тут она осознала, что держит в руках что-то липкое, и поняла, что шоколад начал таять. Она сунулась в сумку за салфеткой, ну, хоть какая-то бумажка должна там быть.

Посмотрев на сумку, Женя оторопела. Потому что сумка была не ее. Сумка была чужая.

Гоша-Шкилет шел по улице, уныло глядя по сторонам и вяло загребая длинными тощими ногами. День сегодня явно не задался. Катька, у которой он надеялся перехватить немножко денег, послала его прямым текстом. Даже на порог не пустила. Велела ему забыть свой адрес и телефон. И видно, что не шутила — такое у нее было лицо... так что о деньгах нечего было и заикаться.

Как будто этого мало, Лена, продавщица из кругло-суточного магазина на углу, отказалась дать бутылку

в долг. А выпить хотелось. Не просто хотелось — выпить было жизненно необходимо. Но не было ни копейки.

15

Гоша опустил глаза на тротуар и размечтался.

Вот если бы сейчас ему попался на глаза потерянный каким-нибудь лохом бумажник!

Гоша явственно представил этот бумажник — хорошей, мягкой коричневой кожи, а главное — пухлый, набитый шуршащими новенькими купюрами...

Гоша так размечтался об этом бумажнике, что чуть не налетел на какую-то тетку. Тетка наорала на него:

— Куда прешь? Пьянь хроническая! Зачем только таких земля носит! Совсем глаза залил!

Если бы...

Гоша вяло отлаялся и поплелся дальше, внимательно глядя под ноги. Он когда-то слышал, что, если чего-то очень хотеть, твое желание обязательно исполнится. Ну где же этот бумажник? Ведь он очень, очень хочет его найти!

Вдруг впереди послышался резкий скрежет тормозов, звук удара, чей-то истошный крик. Гоша оторвал пристальный взгляд от тротуара, огляделся.

Впереди столпились люди, они смотрели на что-то лежащее на мостовой. Приглядевшись, Гоша понял, что какую-то девицу сбила машина. Она не подавала признаков жизни, по мостовой растекалась кровь. Надо же, кому-то еще хуже, чем ему!

Впрочем, Гошу это не слишком утешило.

Вокруг пострадавшей сгрудились зеваки, смотрели жадно округлившимися глазами, словно впитывая чужое несчастье, оживляя свою тусклую жизнь.

Гоша прибил к этой толпе — в ней был шанс незаметно пошарить в чьем-нибудь кармане или сумке.

16 Он уже заметил подходящую сумку, соблазнительно болтающуюся на женском локте, и проскользнул поближе... но тут хозяйка сумки оглянулась и оказалась той самой теткой, с которой он только что столкнулся. Глаза тетки округлились, она снова заорала, как пароходная сирена:

— Опять ты? Что ты тут трешься? Небось своровать что-нибудь хочешь под шумок!

Гоша изобразил лицом благородное возмущение, но от греха отошел подальше от скандальной тетки.

И тут он увидел на тротуаре, в нескольких шагах от неподвижного тела, сумку.

Сумка была новая и сразу видно — дорогая. Выходит, его желание все же материализовалось? Вместо кошелька подвернулась сумка. Правда, для этого кому-то пришлось погибнуть, но его вины тут нет... он тут совершенно ни при чем...

Гоша придвинулся поближе, быстро огляделся по сторонам. На него вроде никто не глядел, все глазели на сбитую девчонку, даже скандальная тетка забыла о нем.

Гоша придвинулся еще ближе, наклонился, поднял сумку, сунул ее за пазуху и быстро пошел прочь.

Отойдя метров на двадцать, замедлил шаги, чтобы не привлекать к себе внимания, пошел неторопливым расслабленным шагом прогуливающегося человека. Человека, у которого в кармане лежит пухлый кошелек.

Таким манером Гоша догулял до выстроившихся в ряд продуктовых ларьков, свернул в закуток позади них и вытащил из-под полы свою добычу.

При ближайшем рассмотрении сумка его разочаровала. Она только на первый взгляд была дорогая, на самом деле китайская подделка, Гоша сам одно вре-

мя торговал такими, поэтому сразу узнал. Но 17
не в сумке дело, важно, что в ней.

Открыл сумку, заглянул — и еще больше расстроился.

В сумке не было денег! Вообще не было! Даже кошелек в ней отсутствовал! Только косметичка с обычным, никому не нужным бабским барахлом, расческа, какой-то флакончик — не духи, а какие-то дурацкие капли.

Гоша помянул хозяйку сумки недобрым словом — разве можно так подводить людей!

Но тут же он вспомнил, что эта самая хозяйка лежит на мостовой, должно быть, мертвая, — и немного устыдился. Ну, не то чтобы устыдился, но все же...

Он подумал еще, что сумка хоть и поддельная, но довольно новая, и, может быть, продавщица Лена из круглосуточного магазина возьмет ее и даст все же ему бутылку. Всего одну бутылку! Даже поддельная китайская сумка стоит бутылки!

Гоша снова спрятал сумку за пазуху и хотел было выйти из-за ларьков, но дорогу ему преградил какой-то незнакомый хмырь. Хмырь был неприятный — рыжий, с розовыми, словно воспаленными глазами и торчащими вперед беличьими зубами.

— Что это у тебя за пазухой? — проговорил рыжий хмырь скрипучим голосом.

— А ты кто такой, чтобы мне вопросы какие-то задавать? — ответил Гоша вопросом на вопрос и посмотрел на рыжего как положено — с ленивой угрозой.

Вышло не очень убедительно; Гоша-Шкилет был слишком хлипкий, да и сегодня у него день явно не задался.

— Отдавай сумку! — проскрипел рыжий незнакомец, и в руке у него появился нож-раскладушка.

18 Гоше не хотелось уступать какому-то незнакомому хмырю, но нож есть нож, да к тому же в сумке не было ничего ценного. Ничего такого, из-за чего стоило бы рисковать.

— Да держи ты эту сумку! — проговорил он раздраженно. — Нужна она мне, как рыбе костюм химзащиты!

Как всегда в моменты сильного волнения, Гоша шепелявил, у него получилось не «сумка», а «шумка». За это его и прозвали не Скелетом, а Шкилетом.

Он вытащил злополучную сумку из-за пазухи, небрежным жестом бросил на землю.

Если этому рыжему она так нужна, пускай сам ее поднимает, а Гоша не нанимался!

И он таки ее поднял, и открыл, и принялся в ней торопливо, озабоченно шарить.

Гоша попытался этим воспользоваться и проскользнуть мимо рыжего, выйти из-за ларьков на оперативный простор.

Однако не вышло.

Рыжий, продолжая рыться в сумке, шагнул в сторону, перегородив Гоше дорогу, и проскрипел:

— Ты куда это собрался? Я тебя пока не отпустил!

— Да кто ты такой, чтобы меня не отпускать? — плаксивым голосом проговорил Гоша. — Да чего тебе от меня надо? Ты хотел сумку — я тебе ее отдал, чего еще?

— Чего еще? — рыжий быстро взглянул на Гошу красными глазами. — Что еще было в этой сумке? Куда ты это дел?

— Да ничего в ней не было! — вскрикнул Гоша. — Сам видишь — только дурацкие бабские причиндалы! Зря только наклонялся! Это же попадаются такие стервы, что даже в сумке денег не держат!

Не найдя того, что искал, он вытащил из нее белый листок почтового уведомления, сунул в карман, снова взглянул на Гошу.

— Точно ничего не было? — рыжий угрожающе набычился, надвинулся на Гошу. — А ты, часом, не темнишь? Ты, часом, мне не заливаешь? Не хочешь меня кинуть?

Гоше очень не понравился взгляд рыжего.

Нужно что-то делать, и как можно скорее...

Воспользовавшись тем, что левая рука рыжего была занята сумкой, Гоша ударил его слева — коротким резким ударом, какому научил его старый друг Баян.

Обычно этот удар хорошо срабатывал, отключал противника на минуту-другую, а больше Гоше и не нужно. Ему бы только выскользнуть в проулок да добежать до проходного двора, а там его никто не найдет. Но этот рыжий хмырь оказался очень шустрым, он успел увернуться, и вместо беззащитного левого бока Гоша наткнулся на нож, зажатый в правой руке хмыря.

В первый момент он даже не почувствовал боли, только дыхание отчего-то перехватило. А потом вокруг стало быстро темнеть, как будто внезапно наступили сумерки. А какие же это сумерки, если только недавно было утро?

Гоша покачнулся, широко открыл рот, словно выброшенная на берег беспомощная рыба, но воздуха все равно не хватало. Только теперь он почувствовал боль в левом боку, прижал к этому месту руку — и почувствовал, что там горячо и мокро. А потом взглянул на руку — и увидел красное.

Мысли у него в голове шевелились медленно, тягловесно, как бы нехотя.

20 Собственно, их и мыслями назвать было трудно. Скорее это были какие-то размытые тени — тень продавщицы Лены из круглосуточного магазина, тень Кати... призрачная Катя смотрела на него с отвращением, широко разевала рот, но слов Гоша не слышал, как будто кто-то выключил у Кати звук. Но он и без звука догадался, что она говорит — убирайся прочь из моей жизни!

И он убрался — не только из ее жизни, но из жизни вообще.

Рыжий хмырь наклонился над ним, пощупал пульс на шее и длинно, цветисто выругался.

Потом он вытер свой нож о Гошин рукав, еще раз перетряхнул содержимое сумки, бросил сумку в мусорный контейнер и пошел своей дорогой.

Сумка была чужая. Женя не поверила своим глазам и открыла ее. Ну да, вещи в сумке были не ее. Не ее косметичка, не ее кошелек — красивый, дорогой, почти новый, не ее расческа... дальше Женя не стала смотреть. До нее дошло очевидное.

Это не обман зрения, это она перепутала сумки. Ну да, когда тело той девушки (теперь как-то нехорошо было называть даже в мыслях ее девицей, она ведь так ужасно погибла)... Когда тело той девушки от ужасного удара шмякнулось на асфальт, сумка ее отлетела довольно далеко. И Женя в суматохе приняла ее за свою. Она вовсе не хотела брать чужое, это случилось случайно.

Женя вспомнила, как летела несчастная, как валялась потом на асфальте, как большая сломанная кукла. А Женя еще позавидовала дорогой сумке, вот уж правду говорят, не в деньгах счастье. И что сейчас делать?

Прежде всего успокоиться и идти на работу. Начальник небось уже ждет отчета, очень он беспокоился по поводу папки. Что у них там за секреты, интересно бы знать...

Хотя, если бы что-то важное было, он бы Женю не послал, сам бы поехал.

Но в таком виде на работу идти никак нельзя. Начальник ничего не скажет, только брови поднимет и головой покачает, Верка-секретарша за словом в карман никогда не лезет, так она прямо спросит: ты, Королькова, в канаве, что ли, валялась всю ночь? А Ольга Фараонова, та еще стерва, начнет заботу проявлять. Жека, дорогая, скажет, так нельзя, кто же тебя такую замуж возьмет?

Знает ведь, зараза, что Женя терпеть не может, когда ее имя коверкают! И тон такой взяла, как будто она — мать родная, а Жене лет двенадцать всего!

Тут на Женю налетела какая-то тетка с сумкой на колесиках, выругалась вполголоса и как ни в чем не бывало почесала дальше. Следом за теткой поспешал мужик с огромной картонной коробкой, которую он держал на плече.

— Поберегись! — орал он на ходу.

Женя едва успела увернуться, и ей тут же попало велосипедом, который катил парень в грязной джинсовой куртке и с волосами, завязанными в хвост. Женя поняла, что это пошли пассажиры с пригородной электрички и что дальше будет еще хуже. Она отошла в сторонку и перевела дух.

Следует срочно отсидеться в каком-нибудь кафе, привести в порядок свою внешность и мысли. И хоть кофе выпить, а то с утра позавтракать не успела, к поезду торопилась.

22 Голова уже кружилась от голода.

Женя осторожно открыла кошелек. По закону свинства он должен был быть пуст. Но очевидно на сегодня все ее неприятности закончились, потому что в кошельке были деньги. Много. Отдельно лежали три купюры по пять тысяч, затем тысячных приличная пачечка, потом несколько штук по пятьсот и еще мелких сколько-то. Карточек не было никаких, только какие-то свернутые бумажки.

Женя прикинула — в кошельке почти вся ее зарплата за месяц. Ничего, она потратит совсем немного, только на кафе, а потом займет у Верки из общественных денег, что собирают на чай-кофе, и доложит. Ей чужого не нужно.

— Девонька, дай на пиво! — прохрипел невесть откуда взявшийся рядом бомж. Голос жалостный, дребезжащий, а сам скосил алчный глаз в сумку.

— Отвали! — рявкнула Женя и рванулась к выходу из вокзала. Она пролетела по улице метров двести и нашла неприметное, недорогое с виду кафе.

— Мне кофе... и булочку какую-нибудь, — торопливо сказала она девушке у стойки.

— Возьмите завтрак, — отозвалась та, окинув Женю взглядом, — у нас скидка...

Жене понравилось, что в глазах барменши она не увидела ни грамма пренебрежения, и она согласилась на завтрак, а пока скрылась в туалете.

Кисть руки пришлось отмывать от засохшей крови. Ссадина была длинной и глубокой, но вроде бы кровь подсохла, и ссадина слегка затянулась. Женя коснулась боком раковины и поморщилась от боли. Расстегнув джинсы, она изогнулась и обомлела. На боку лиловел огромный синяк, это когда она о поребрик

ударилась. Ну ладно, той девушке повезло 23
гораздо меньше.

Женя промокнула лицо салфеткой, затем расчесала волосы чужой расческой, а потом, мысленно попросив прощения у несчастной хозяйки сумки, воспользовалась ее тушью для ресниц и подводкой. Нашелся в косметичке и карандаш для бровей, и тени.

Когда Женя взглянула в зеркало, то не узнала свое отражение. На нее смотрела незнакомая молодая женщина, она стала старше, и глаза блестели таинственно. Волосы, что ли, покрасить...

Завтрак уже ждал ее на столике. Большой пышный омлет с грибами, и салат, и соус, и хрустящие маринованные огурчики, и два куска теплого хлеба.

Женя смела все в мгновение ока, выпила большую чашку кофе и отправилась на работу.

Начальник не стал даже спрашивать, как ее успехи, оказалось, Расторгуев сам позвонил с дороги и сказал, что все в порядке, папка у него. Женя хотела пройти на свое место, но секретарша Верка орлиным взором уже разглядела ее сумку.

— Женька! — ахнула она. — Откуда что взялось?

Женя, не отвечая, пошла по проходу между столами. Но не так-то просто было избавиться от Верки.

— Королькова! — Она неслась следом с топотом и грацией молодой слонихи (Верка весила восемьдесят пять килограммов, но ни капельки по этому поводу не переживала, исповедуя старую истину, что хорошего человека должно быть много). — Женька, стой, тебе говорят! Ты что, оглохла?

Положение спас начальник. Он возник в дверях своего кабинета с вопросом, не забыла ли Вера отменить встречу с Семенцовым и перенести ее на завтра.

24 — Конечно, перенесла! — сказала Верка таким честным голосом, что всем стало ясно, что она врет на голубом глазу. Очевидно, начальник тоже все понял, потому что нахмурился и посмотрел так, что платье на Верке только что не задымилось. Она мигом ступшевалась и оставила Женю в покое.

Женя безуспешно пыталась сосредоточиться на работе, но перед ее глазами стояла все та же картина — тело сбитой девушки на мостовой, ее окровавленные волосы и пустые, мертвые глаза, которые, казалось, видели что-то недоступное всем остальным...

Конечно, сама Женя ни в чем не виновата, но она сбежала, даже не попытавшись помочь, не попытавшись ничего сделать, не вызвав «Скорую», не узнав даже, мертва та девушка или ее еще можно спасти... да нет, она, конечно, была уже мертва, у живого человека не может быть таких пустых глаз... она ни в чем не виновата, но эта картина будет стоять у нее перед глазами долго, очень долго.

И потом, сумка. Сумка стояла рядом на стуле и являлась для Жени живым укором. Получается, она поступила как мародер, ограбила покойницу. Ужас какой!

Наконец Женя не выдержала.

Она вышла из комнаты, прошла по коридору, зашла в туалет, и, убедившись, что там никого нет, набрала номер полиции.

— Вы позвонили в полицию, — сообщил ей механический голос, — вам ответит первый же освободившийся оператор. Ваш разговор будет записываться...

Наконец ей ответил усталый и раздраженный женский голос:

— Слушаю вас!

Женя несколько секунд собиралась с силами, и женщина-оператор нетерпеливо проговорила: 25

— Говорите уже! Что у вас случилось? Да говорите, не занимайте впустую линию!

— Я свидетель наезда со смертельным исходом, — проговорила Женя тихим неуверенным голосом. — Вам, наверное, нужны мои показания, так вот я готова...

— Какой наезд? По какому адресу? — спокойно и деловито осведомились в трубке.

— Девушку сбили на моих глазах. — И Женя назвала адрес того рокового перекрестка.

— Сейчас я переключу вас на двадцать третье отделение, это их территория...

В трубке негромко шелкнуло, зазвучала унылая классическая музыка, затем снова раздался шелчок, и энергичный, на этот раз мужской голос проговорил:

— Капитан Щеглов. Слушаю вас!

— Я — свидетель, — проговорила Женя, на этот раз более решительно. — Готова дать показания.

— Показания — это хорошо, — ответил капитан, и его интонация показалась Жене чуть насмешливой. — Только вы, девушка, сначала скажите, что же вы видели.

— Наезд! — ответила Женя торопливо и взволнованно. — Наезд со смертельным исходом.

— Наезд? — переспросил полицейский. — Со смертельным? А где же у нас такое случилось?

— Как, разве вы не знаете? На углу Лиговского проспекта и Гончарного переулка!

— Что? — Судя по звуку, капитан отстранился от трубки и спросил кого-то: — Вася, у нас на углу

26 Лиговского и Гончарного сегодня что-нибудь было? Ничего не было?

Голос снова приблизился:

— Девушка, а вы ничего не перепутали? У нас ничего не отмечено, никакого ДТП на этом углу сегодня не было. Ни со смертельным, ни с каким-то другим исходом.

— Как — не было? — удивленно и даже возмущенно проговорила Женя. — Как это не было, если я все своими глазами видела! Девушку сбили насмерть... я даже...

Она хотела уже сказать про перепутанные сумки, но вовремя прикусила язык.

— Говорю вам — ничего там не было! — Голос полицейского стал суше и строже. — Вот если вы можете дать показания по поводу убийства неизвестного в торговой зоне в Абрикосовом проезде — тогда милости просим, а на том перекрестке ничего сегодня не случилось. Вы сегодня не были в Абрикосовом проезде?

— Не может быть! — перебила его Женя. — Я была совсем рядом! Девушку сбили буквально у меня на глазах! Я сама это видела! Сбили насмерть!

— Вы что, врач?

— Нет, я не врач, я менеджер...

— Я так и подумал! Так вот, если вы не врач и даже не медсестра — откуда вы знаете, что насмерть? Может быть, та девушка встала, отряхнулась и пошла домой!

— Какое там домой! Там кровищи было — ужас! И глаза... я видела ее глаза... у живого человека таких глаз не бывает! Проверьте, пожалуйста, может быть, все же было такое происшествие... может быть, вам просто не успели сообщить...

— Нам все сообщают, девушка, и сообщают немедленно, по горячим следам. Так что если я говорю, что ничего не было, — значит, ничего не было!

— А может быть, вы все же ошибаетесь!

— Девушка, а вы знаете, что бывает за телефонное хулиганство? — На этот раз голос капитана звучал не просто строго — он звучал сурово, даже грозно.

— При чем здесь хулиганство! Я видела это и хочу дать показания! Это мой долг...

— Ваш долг — не отрывать сотрудников полиции от работы! Может быть, пока я тут с вами разговариваю, мне звонит настоящий свидетель настоящего преступления!

В это время дверь туалета открылась, и вошла Ольга Фараонова. Увидев Женю, она остановилась на пороге и посмотрела на нее с интересом.

Женя вздохнула и спрятала телефон — все равно оттуда уже доносились сигналы отбоя.

— С кем это ты разговаривала? — с живейшим интересом спросила Ольга.

— Ни с кем, — отмахнулась Женя. — Так, с одним знакомым.

— Да? А что же у тебя такое лицо взволнованное? Ты с ним что — рассталась? Он тебя бросил?

— Оля, — не выдержала Женя, — вот чего конкретно тебе от меня надо? Вот какое тебе дело до того, бросил меня хахаль или не бросил? Тем более что его и нет у меня, ты прекрасно знаешь, сама же меня вечно воспитываешь и поучаешь, что нужно лучше одеваться, аккуратно краситься и отвечать вежливо, в противном случае меня никто замуж не возьмет!

Не стоило разговаривать с занудой Фараоновой в таком тоне, она баба вредная, но Женины нервы

28 сегодня были ни к черту, оттого она и огрызнулась.

— Ну-у, — протянула Ольга, — в свете последних событий... неужели, Жека, мои слова возымели наконец действие?

— Ты это о чем? — удивилась Женя, не обратив даже внимания на «Жеку».

— А как же. Новая дорогушая сумка, отличная косметика... стало быть, на тебя наконец обратил внимание не вертопрах какой-то, а приличный человек?

— Ага, вот сумку подарил, — буркнула Женя, чтобы эта зануда наконец отвязалась, — и хватит советов, сама разберусь, как жить.

— Ну, это вряд ли, — притворно вздохнула Фараонова, — ты легкомысленная, у тебя ветер в голове, ты иногда ведешь себя как подросток, а лет тебе, Женечка, сколько?

— Какое твое дело! — всерьез рассердилась Женя. — Что ты ко мне все время вяжешься? Ну, допустим, двадцать девять, ну и что? Все помоложе тебя буду!

Фараоновой недавно стукнуло сорок, про это все, конечно, знали, она юбилей в приличном ресторане отмечала. Пригласила правда не всех сотрудников, Женя в том ресторане не была, но выслушала подробный рассказ Верки о том, какое на Ольге было платье и как выглядит ее муж. Муж был старый (пятьдесят два года), пузатый и плешивый, но Ольга им очень гордилась.

— А такое дело, что тридцать лет — ума нет и не будет! — в свою очередь разозлилась Ольга. — Я тебе когда вещи принесла, целый пакет? На той неделе? А он так и валяется у тебя под столом! Если на меня наплевать, так хоть бы детей несчастных пожалела, им небось одежда нужна, на улицу не в чем выйти!

В данном случае Фараонова, как ни противно это признавать, была совершенно права. Пакет с детскими вещами валялся у Жени под столом вторую неделю. Ну, все время она про него забывала! Просто наваждение какое-то!

Вернее, то торопилась в кино, то с Веркой по магазинам собрались пробежаться, то еще куда-то... в общем, она, конечно, виновата, но Фараонова тоже зануда порядочная. Хотя и правда, дорого яичко к Христову дню, как говорила в свое время бабушка. Одежда-то там на осень, а Женя проваландается, так и зима начнется, а к следующей осени дети вырастут.

Детские вещи нужны были Жениной соседке Ирке. Та внезапно развелась с мужем — развелась, как она рассказывала, с жутким, просто неприличным скандалом, хотя непонятно, с чего муж ее так возненавидел.

Мужик был, конечно, жуткая скотина, Женя его пару раз видела, а Ирка — полная дура, раз не разобралась в нем сразу, да еще и двух детей родила.

Пока был один сын, муж как-то держался, вел себя более-менее прилично, когда же Ирка забеременела дочкой и сделать уже было ничего нельзя, муженек ее расцвел махровым цветом. Видимо, решил, что теперь жена никуда от него не денется. Он регулярно напивался и не ночевал дома, потом, когда родилась девочка, он вообще ушел из дому на месяц.

Ирка была бы этому даже рада, поскольку меньше шума и грязи и детям спокойнее, но паразит не давал ей денег.

Потом у него начались неприятности в бизнесе, и муж совсем озверел. В будни он как-то держался, но все выходные пил без просыпу, орал и ругался и начал

30 Ирку бить. Сначала случайно, потом намеренно. Сначала редко, потом все чаще.

Ирка терпела, потому что идти с двумя детьми ей было некуда. Родители жили в другом городе и не жаждали ее видеть, а крошечную однокомнатную квартирку, доставшуюся от тетки, она сдавала двум студентам.

Так продержалась она примерно года полтора, а потом как-то в разгар очередной драки подросткий сын кинулся защищать Ирину, и пьяный папаша отшвырнул его мощным плечом, так что мальчик потерял сознание.

И пока ждали «Скорую», мигом протрезвевший папаша сказал обезумевшей от страха Ирке, что, если она скажет в больнице все как есть, он все равно отмажется от суда, а ее с дочкой убьет и закопает в лесу, так что никто никогда не найдет. Так что если мальчик останется инвалидом, то его некому даже будет навещать в доме хроников.

Ирка сказала в больнице, что мальчик упал со стула. Врачи, может, и не поверили, но ничего не сказали. Они обнаружили перелом нескольких ребер и сильнейшее сотрясение мозга.

Муж, видно, все же испугался, он навещал ребенка в больнице, просил у Ирки прощения на коленях, говорил, что он стал другим человеком и что они все теперь начнут сначала.

К тому времени, как мальчика выписали из больницы, студенты, что снимали Иркину квартиру, сдали очередные экзамены и съехали. Выяснилось, что парень нашел хорошую работу программиста и теперь можно снять квартиру получше.

Когда муж в очередной раз уехал не то на рыбалку, не то в баню, Ирка вызвала такси и погрузила в него

вещи и детскую коляску. Муж, вернувшись, застал чисто убранную пустую квартиру. Из его вещей Ирка не взяла ничего, даже немногочисленные подарки оставила.

На следующий день она подала на развод и на алименты. Несмотря на уверения мужа, что он осознал свою вину и стал теперь другим человеком и даже обещал купить ей к зиме шубу, Ирка ему не поверила. Точнее, она просто не воспринимала его слова, поскольку перед глазами все время стояла страшная картина: скорчившееся на полу безжизненное тельце сына. Ей хватило, сказала Ирка помогавшей внести вещи Жене, второго раза не будет.

Муж, застав пустую квартиру, жутко озверел и тут же позабыл свои намерения стать другим человеком, а точнее, никогда и не собирался этого делать. Он объявил всем знакомым, что Ирка такая-сякая, бросила его, сломав при этом ему жизнь.

По такому случаю он снова начал пить и однажды явился злой и пьяный к Ирке скандалить. Дело было летом, в июне, жильцы поразъехались, кто в отпуск, кто на дачу, Иркин муж (еще не бывший, поскольку в суде все тянули время, давая, как они говорили, Ирке одуматься и сохранить семью) колотил в двери в свое удовольствие и орал матом, никто ему не мешал.

Ирка сидела за дверью ни жива ни мертва, гадая, вызывать полицию или еще подождать, поскольку на семейный скандал они приезжать не спешат, а если приедут и этот урод к тому времени уже уйдет, то ей мало не покажется.

И в это самое время шум услышал Гераша.

Гераша, которому при рождении дали имя Шурик, с детства был самым большим везде — в садике, в шко-

32 ле, во дворе. Имя свое Шурик он очень не любил и несколько раз даже подрался с теми, кто не уяснил это сразу, хотя по характеру был парень спокойный и незлобивый.

Так и звали его все во дворе Герашей, кличку дали по фамилии, Герасимов. Учился он плохо и, отслужив в армии, устроился в полукриминальную фирму, как он говорил, охранником. Чем Гераша там занимался, он не рассказывал, вообще был на слова скуп, но обычно люди впадали в ступор от одного его внешнего вида — огромный, как гора, и на морду страшный, так что делали все, что Гераша скажет, без всякого сопротивления.

Все во дворе очень удивились, когда Гераша женился, нашлась женщина, которой не жутко было просыпаться, увидев рядом такую рожу. Жену Гераша любил, они чинно ходили под ручку то в магазин, то в кино, то просто погулять, и вскоре стало заметно, что ожидается прибавление семейства.

Родилась девочка, к счастью похожая на жену, а не на Герашу, он же, боясь взять крошечный кулек в руки, только глядел умиленно, а потом гордо катал коляску, которая рядом с ним казалась игрушечной.

К лету девочка подросла, и Гераша отправил их с женой к теще на дачу. А сам вечерами культурно отдыхал перед телевизором с холодным пивом и чипсами. По его габаритам ему нужно было не меньше восьми бутылок.

И вот, когда он отключил звук во время рекламы, до Гераша дошел шум с пятого этажа к нему на седьмой. Шумели здорово, чего Гераша очень не любил. И он не поленился спуститься и, увидевши пьяного хмыря, мирно посоветовал ему уgomониться и не мешать людям культурно отдыхать после рабочего дня.

как уже говорилось, испуганные внешним видом Гераша, тут же делали все, что он просил. Однако не зря народ говорит, что пьяному море по колено. Так и Иркин муж решил, что ничего не боится, а возможно, послал Герашу просто по инерции. Так или иначе, но Гераша обиделся. И толкнул скандалиста и грубияна так, что тот покатился по лестнице до первого этажа, пересчитывая ступени. Гераша неторопливо спустился следом и легонько попинал еще лежавшего ногами, приговаривая, чтобы он этого типа никогда больше у себя на лестнице не видел. И ушел досматривать футбол, как раз перерыв на рекламу кончился.

Иркин муж очухался и урок, надо думать, усвоил, потому что начал действовать по-другому. Он мигом оформил все свое имущество на других лиц, так что, когда их наконец развели и Ирка стала ждать хоть каких-то алиментов, ей показали фигу. Так и сказали — ничего с папочки деткам получить не выйдет, он не работает, и фирма не его. В общем, обычная история.

Надо сказать, что Ирка не очень-то и удивилась, после случая с сыном ее уже ничто не могло удивить. Однако замаячил призрак смерти от голода, потому что пара колечек и сережки, которые она снесла в скупку, проблемы не решили.

Мама того студента, что снимал у Ирки квартиру, работала в РОНО, она помогла с садиком для старшего Ваньки. Что касается младшей девочки, то она уродилась очень болезненной, и про ясли нечего было и думать.

Тогда подружка студента, которая подрабатывала в издательстве дизайнером, устроила Ирку редакто-

34 ром-надомником, потому что выяснилось, что у нее диплом филологического факультета. Университет был в далеком городе, но все же высшее образование Ирка получила. Хотя диплом еле нашла, уж и забыла про него.

В общем, платили мало, но призрак голодной смерти отступил на время. А детские вещи несли Ирке знакомые и соседи.

Вот и Женя бросила клич на работе, и сотрудники откликнулись. Ольга Фараонова долго собиралась, но принесла наконец большой пакет. У нее самой детей не было, но ее сестра воспитывала близнецов и так с ними намучилась, что сказала твердо: с нее хватит, больше она никого не родит. Так что детские вещи раздавала с радостью.

— Извини, Оля, — пробормотала Женя, — ты права, я сегодня же все заберу.

И поскорее вышла, так что Фараоновой оставалось только удивленно пялиться на дверь: с чего это Женька такая покладистая? Всегда как было: ей слово — она в ответ десять, ей простое замечание — она огрызнется, попросишь что-то сделать — она отмахнется или забудет, наврет что-нибудь. Правда, что ли, влюбилась, хахаля завела? С трудом верится, но все же как-то Королькова переменялась...

Выйдя из-за ларьков, Феррум настороженно огляделся по сторонам.

Кажется, никто его не видел. Немногочисленные прохожие спешили по своим делам, им не было до него дела. Все были озабочены своими собственными делами, а он вообще был для них невидимкой, незначительной деталью городского пейзажа.

И все же Феррум чувствовал какое-то бес- 35
покойство. Ему казалось, что его руки и лицо
в крови того мелкого карманника.

Он убеждал себя, что никакой крови на нем нет,
да если и есть пара капель — они незаметны на его
красноватой, словно тронутой ржавчиной коже, на
рыжих волосах.

Феррум прошел квартал, свернул в тихий переулок,
где припарковал свою машину, снова огляделся. Мимо
прошел какой-то пожилой тип, взглянул на него по-
дозрительно.

Феррум не остановился возле машины, наоборот,
он прибавил шагу, прошел еще один квартал, оглянул-
ся. Старик свернул за угол. Да нет, все в порядке. Его
чутье говорило, что он не наследил, а своему чутью
Феррум верил.

Он вернулся, открыл дверцу машины, сел на води-
тельское сиденье и осмотрел себя в зеркале заднего вида.

Вроде все нормально, никакой крови на нем нет.

Как же неудачно все вышло!

Этот карманник сам напоролся на нож, Феррум не
собирался его убивать. Зачем? Впрочем, ничего страш-
ного. Это не первый покойник на его пути. На то он
и Феррум, то есть железный, чтобы не обращать вни-
мания на такие мелочи.

Ферруму нравилась его кличка, ему приятно бы-
ло объяснять новым знакомым, которые спрашивали,
что она значит: Феррум — это железо... я железный,
понятно?

Правда, на самом деле у этого прозвища было со-
всем другое, не такое лестное объяснение.

Его дал Ферруму один очень важный человек по
кличке Химик. Он и правда хорошо разбирался в химии,

36 умел делать из безобидных таблеток, какие можно купить в любой аптеке, яды и наркоту. Говорили, что до того, как стать большим человеком, он был простым учителем химии в средней школе.

Увидев первый раз Феррума — тогда еще просто Витьку Рыжего, — Химик усмехнулся своей кривой улыбкой и сказал:

— Феррум два о три...

— Чего? — удивленно переспросил Витька.

— Ты, парень, как будто заржавел. А формула ржавчины — феррум два о три... будешь ты у нас Феррум!

— А что, красивое прозвище!

С тех пор так и пошло — Витька Рыжий стал Феррумом. Химика уже давно не было в живых — его угостили собственным ядом, так что сейчас никто уже не помнил, откуда взялось это погоняло. Никто, кроме самого Феррума.

Успокоившись, Феррум задумался.

Куда же девалось то, что он искал?

В сумке этого не было, он проверил ее очень тщательно, проверил каждый кармашек, каждый шов.

Зато в сумке он нашел кое-что полезное...

Феррум вытащил из кармана белый листок.

Все правильно — это было почтовое уведомление, обычный бланк с печатью Почты России. На нем были номер и дата, а еще — адрес и имя получателя.

Феррум прочитал это имя: Королькова Евгения Михайловна.

Ну что ж, Евгения Михайловна, пора нам с тобой познакомиться поближе...

Но знакомство с Евгенией Корольковой пришлось отложить: в бардачке машины требовательно и тревожно зазвонил мобильный телефон.

37

Это был не обычный телефон, по которому Феррум разговаривал со своими прежними знакомыми и немногочисленными друзьями. Это был специальный одноразовый телефон красного цвета, по которому с ним связывался *тот человек*.

Феррум почувствовал, как холодок пробежал по его спине легкими пальцами. Да что это с ним? Почему звонки *того человека* так его напрягают?

Он открыл «бардачок», вытащил из него красный телефон и проговорил неожиданно охрипшим голосом:

— Слушаю.

— Очень хорошо, что слушаешь! — прозвучал в трубке механический, холодный и скрипучий голос. — Опять у тебя прокол?

Вот откуда он знает? Что он, следит за Феррумом?

— Ну, почему прокол... у меня есть кое-какие результаты...

— Мне нужны не кое-какие результаты. Ты знаешь, что мне нужно. — Голос в трубке стал еще холоднее, еще жестче. — Ладно, хватит оправдываться! Приезжай немедленно на остров Голодай... знаешь там лютеранское кладбище? — И механический голос продиктовал подробную инструкцию.

Голос в трубке уже давно молчал, а Феррум все еще сидел, тупо глядя перед собой. Вдруг он спохватился: нужно ехать, ехать как можно скорее, а то *тот человек* разозлится...

Феррум включил зажигание, выжал газ и поехал на Васильевский остров. Там, переехав реку Смоленку, попал на небольшой остров Голодай. Вспомнив инструкцию, подъехал не к главным воротам лютеранско-

38 го Смоленского кладбища, а к неприметному пролому в чугунной решетке, укрытому разросшимися кустами персидской сирени. Оставив машину возле ограды, пролез в проем и пошел по узкой дорожке между двумя рядами надгробий.

Еще каких-нибудь сто лет назад на Васильевском острове тогдашнего Петрограда немецкий язык звучал едва ли не чаще, чем русский. На каждом шагу попадались вывески на немецком языке — аптеки и кондитерские, писчебумажные магазины и пивные. Немцы жили в этом городе с самого его основания. Жили и умирали. И тут, рядом с Васильевским островом, находили они свой последний приют.

Позднее, перед началом Великой войны, василе-островских немцев выселили в Казахстан и другие отдаленные места. Живых — выселили, но мертвые остались.

Мрачные, потемневшие от времени надгробные камни и чугунные кресты выстроились вдоль дорожки; казалось, они провожают незваного гостя неодобрительными взглядами, тихо и осуждающе шепчутся за его спиной. Надписи, выполненные громоздким, витиеватым готическим шрифтом, оплетали эти надгробия, как дикий виноград оплетает старинные часовни. Казалось, здесь похоронены не булочники и аптекари с Васильевского острова, а ландскнехты и алхимики давно минувших времен.

Феррум, как велел ему *тот человек*, миновал поперечную дорожку, прошел мимо печального каменного ангела с опущенным факелом в руке, увидел впереди гранитное возвышение, на котором в решетчатом обрамлении стоял большой каменный склеп с закрытыми железными воротцами.

Подойдя к возвышению, Феррум огляделся по сторонам, наклонился и поднял камень, лежащий слева от ворот.

Как и сказал тот человек, под этим камнем оказался большой старый ключ с фигурной бородкой. Феррум вставил ключ в замочную скважину, повернул его.

Раздался громкий скрип, и ворота открылись.

Склонив голову, чтобы не удариться о притолоку, Феррум вошел в склеп.

Железные ворота с тоскливым скрипом закрылись за ним, он оказался в сырой темноте склепа. Но глаза очень быстро привыкли к скудному освещению, и Феррум разглядел перед собой четыре высоких каменных саркофага.

И снова холодные пальцы страха пробежали по его спине.

Феррум откашлялся, чтобы хоть какой-то звук нарушил мертвую тишину склепа.

И тут же, словно в ответ на его кашель, раздался новый звук — леденящий душу скрежет.

Это начала отъезжать в сторону каменная крышка одного из саркофагов.

Феррум отшатнулся, метнулся к железным дверям — но они оказались заперты. Тогда он взял себя в руки и шагнул вперед.

Крышка отодвинулась еще немного — и из саркофага поднялся высокий худой человек.

В голове у Феррума мелькнула странная и несвоевременная мысль: вот наконец он и увидел *того человека*. До сих пор он только слышал его голос — да и то наверняка искаженный каким-то специальным устройством.

40 А в следующий момент всякие мысли улетучились из его головы. Потому что он узнал того, кто поднялся из саркофага. Хотя в склепе было темно и лицо того человека казалось всего лишь пятном мрака на фоне окружающей темноты — он узнал его фигуру, и наклон головы, и движения рук.

— Химик?! — изумленно пролепетал Феррум. — Не может быть! Ты же умер! Тебя же убили!

— Ну да, убили! — Химик усмехнулся своей кривой улыбкой. — Потому я и назначил тебе встречу на кладбище! Где же еще может обитать покойник?

Он засмеялся сухим лающим смехом — и этот смех тоже невозможно было не узнать.

— Но я же сам видел твой труп... я был на твоих похоронах... я нес гроб...

— Был, был! — Химик поморщился. — Ты не забыл, почему я дал тебе такое прозвище — Феррум?

— Где уж тут забудешь!

— На всякий случай напомним. Ты — не железный, ты — ржавый! А ржавчина очень легко разрушается!

Он помолчал недолго, а потом перешагнул край саркофага и проговорил:

— Пойдем прогуляемся по кладбищу. Я хочу тебе кое-что показать. Кое-что поучительное.

Феррум не посмел возразить, он только покосился на двери склепа и робко проговорил:

— Они заперты... их кто-то запер...

— Кто-то запер? — передразнил его Химик. — А ты все же попробуй открыть!

Феррум толкнул дверь, и она легко распахнулась.

Феррум вышел из склепа — и услышал у себя за спиной тяжелые шаги.

Он нашел в себе силы оглянуться...

Химик очень изменился за то время, что прошло с его фальшивой смерти, с его похорон. Как будто он и вправду умер и вернулся с того света. 41

Его бледное лицо потемнело, словно обгорело в адском пламени, тело стало еще худее и суше, чем прежде, плечи и колени — еще костлявее.

— Не верти головой! — приказал Химик. — Иди вперед!

Феррум пошел вперед, по той же узкой дорожке, по которой пришел к этому склепу. В голове у него не осталось никаких мыслей — только страх.

Химик шел за ним, не отставая и не приближаясь, и время от времени командовал:

— Налево! Теперь направо!

Наконец они пришли в самую дальнюю, самую глухую часть кладбища, туда, где были похоронены самые первые немцы Петербурга — те, кто приехал сюда еще при Петре и при Анне Иоанновне.

И как ни странно, здесь Феррум увидел несколько новых могил, с временными табличками. И еще одну глубокую яму, готовую принять свежего покойника.

— Я думал, на этом кладбище больше не хоронят, — проговорил Феррум, не зная, чем заполнить тишину.

— Хоронят! — возразил Химик. — Но только очень важных и влиятельных покойников! — И он снова засмеялся лающим смехом, решив, что удачно пошутил. — Но я хотел показать тебе не те могилы, где кто-то уже похоронен. Я хотел показать тебе вот эту, свежую могилу...

— Чья она? — спросил Феррум испуганно. В глубине души он уже знал, каким будет ответ.

42 — Твоя! — проговорил Химик. — Если ты не выполнишь мое поручение, если не принесешь мне то, за чем я тебя послал, — эта могила станет твоей. Нет, на ней не будет таблички с твоим именем, на ней поставят табличку с именем одного банкира, который только вчера умер от неизвестной и подозрительной болезни, но внизу, под гробом банкира, будешь лежать ты, Феррум...

Химик замолчал.

Феррум сглотнул, он с трудом дышал, руки его дрожали.

— Я сделаю... — проговорил он, когда смог говорить. — Я принесу...

Химик ничего не ответил.

Феррум повернулся.

За его спиной никого не было.

Наступила глубокая ночь. Лондон погрузился в таинственную тишину, только изредка нарушаемую перекличкой ночных сторожей Сауфторкского прихода. Все добропорядочные горожане давно уже затворились в своих домах, выпили на ночь по стакану горячего молока с имбирем и корицей и отошли ко сну. Только изредка на кривых и грязных улицах Сауфторка и Боро попадались компании подвыпивших гуляк, горланящих кабацкие песни, подбадривая друг друга сальными шуточками, но и они невольно замолкали, почувствовав незримое присутствие настоящих хозяев ночи.

В этот час Южный Лондон принадлежал ночному племени — вора и грабителям, убийцам и головорезам.

И в этот-то страшный час по одной из узких, темных улочек Сауфторка шли два человека, чей внешний вид никак не вязался с ночным Лондоном.

Один — точнее, одна из этих двоих — была высокая и стройная девушка, до самых глаз закутанная в цветную шелковую шаль. Она шла мелкими грациозными шагами, испуганно оглядываясь по сторонам. Ее спутник был сутулый, довольно высокий пожилой человек, одетый как обедневший джентльмен. Или, точнее, как джентльмен, у которого давно не было случая и возможности привести свой костюм и свою внешность в порядок.

В облике и манерах этого джентльмена чувствовалась привычка к лишениям и военная выправка.

— Где же дом этого господина? — должно быть, не первый уже раз спрашивала девушка своего спутника.

— Должен быть уже скоро, миледи! Видите, мы уже почти дошли до собора, а от него уже рукой подать до дома его светлости!

Действительно, впереди выступала из мрака громада Сауфтворкского собора.

— Я устала и проголодалась! — жалобно проговорила девушка.

— Вам некого винить. Вы же понимаете, ночью все выглядит совсем не так, как днем! Если бы вы послушались меня и остановились на том постоялом дворе, сейчас вы грелись бы у жаркого камина, а то и спали бы в теплой, уютной постели... а утром мы без проблем нашли бы дом его светлости...

— На том постоялом дворе! — возмущенно повторила девушка. — Это был не постоялый двор, а грязная помойка! Там были тараканы! Клянусь покровами Вишну — там были тараканы величиной с собаку!

— Ну уж и с собаку! Не съели бы вас эти тараканы... зато вы сейчас не подвергались бы такому риску...

44 *Вдруг мужчина застыл на месте, к чему-то прислушиваясь.*

— *Что там такое? — испуганно прошептала девушка.*

— *Тс-с! Кто-то идет!*

И правда, из темного переулка вышли несколько человек в странных и живописных лохмотьях и страшных масках, покрытых устрашающими черными и красными разводами. На головах у них были шапки, украшенные перьями.

— *Команчи! — в ужасе выдохнул мужчина.*

В то время весь Лондон в благоговейном ужасе трепетал перед шайкой ночных разбойников, которые взяли себе имя индейского племени. Эта шайка превзошла истинных команчей в дикости и жестокости. По ночам «команчи» расхаживали по улицам города, подкарауливая случайных прохожих, нападали на них и подвергали самым страшным издевательствам, а некоторых и убивали. Ходили слухи, что эту шайку составляли не настоящие грабители, а молодые люди из богатых семей, которые таким способом разгоняли скуку.

Впрочем, жертвам этих дикарей от этого было ничуть не легче.

— *Посмотрите-ка, кого мы поймали! — радостно воскликнул один из «команчей», повернувшись к своим спутникам. — Старый хрыч и его красotka дочка!*

— *Почем ты знаешь, что она красotka? — проворчал его приятель. — Она так закутана в свои тряпки, что там ни черта не разглядишь! А может, она страшна как смертный грех!*

— *А вот мы сейчас проверим! — проговорил первый, делая шаг вперед. — Сейчас мы избавим ее от этого тряпья и поглядим, как она выглядит без него!*

— Ни с места! — грозно выкрикнул пожилой джентльмен. — Еще один шаг, и я... 45

— И ты — что, дедуля? Отилепашь меня своей тросточкой? — «Команч», кривляясь и нарочито хромая, шагнул вперед.

Пожилой господин удивительным образом преобразился. Он отступил чуть в сторону, поднял свою безобидную трость — и неуловимым движением выдернул из нее длинный, остро отточенный клинок. Взмахнув им в воздухе, он нанес молниеносный удар — и «команч» упал на землю, пронзительно вереща:

— Этот подлый старикан проткнул мне колено! Клянусь акульими потрохами, я не могу встать!

— Да что же это такое? — с искренней обидой присоединился к нему приятель. — Подлые горожане смеют обнажать оружие против честных «команчей»? Что творится! Куда катится мир! Ну, все, старик, тебе пришел конец!

Разбойник бросился вперед, обнажив длинный кинжал. За ним спешили остальные члены шайки.

— Отходите к собору, миледи! — проговорил пожилой господин, следя за противниками и нанося быстрые и точные удары.

Он бился как разъяренный лев, но разбойники были слишком многочисленны.

Девушка прижалась к стене, с ужасом следя за схваткой.

В это время со стороны собора показался высокий мужчина в черной сутане.

— Что здесь происходит? — воскликнул он возмущенно.

— На нас напали эти разбойники! — ответила девушка.

46 — А ты, святоша, проваливай, если не хочешь, чтобы мы и тебя прикололи! — прокричал один из «команчей».

— Ну уж нет! — В руке священника появилась длинная дубинка, окованная железом, и он встал рядом с пожилым господином. — Мы еще посмотрим, кто кого! Я служил в королевском флоте и умею неплохо драться!

Священник оказался опытным бойцом, и «команчи» начали выдыхаться. Однако их было все же слишком много.

Во время схватки священник с джентльменом постепенно отступили к самому собору и теперь дрались с «команчами» на ступенях перед порталом. Девушка, следившая за сражением, увидела приоткрытую дверь и скользнула внутрь собора, должно быть надеясь в случае поражения своих защитников найти там убежище.

Оглядевшись в пустом темном пространстве собора, она подошла к усыпальнице, над входом в которую был высечен дворянский герб — два льва и два геральдических дерева.

Остановившись перед этой усыпальницей, девушка опасливо огляделась, достала из складок своего плаща небольшую шкатулку из слоновой кости. Она зашла в усыпальницу, пробыла в ней какое-то время и снова вышла.

В это время дверь собора открылась, и раздался хриплый мужской голос:

— Миледи! Миледи! Можете выходить, опасность миновала!

Девушка узнала голос своего пожилого спутника, облегченно вздохнула и пошла к выходу.

Выйдя из собора, она узнала, что на шум схватки подошел отряд ночной стражи, и «команчи» трусливо разбежались.

Правда, сопровождавший ее пожилой джентльмен был серьезно ранен, но он заверил ее, что жизни его ничто не угрожает и он вполне может идти. 47

Когда начальник ночной стражи узнал, что жертвы нападения направлялись в городской дом лорда Гамильтона, он дал им охрану, которая проводила их до входа в особняк.

Выйдя с работы, Женя осознала, что ужасно устала и проголодалась. Она хотела скорее вернуться домой — но тут вспомнила, что в доме нет ни крошки еды, даже хлеб заплесневел, и она его в сердцах выкинула в мусоропровод.

Хорошо, что соседи этого не видели — выбрасывать пищевые продукты в мусоропровод нельзя, от этого могут завестись мыши или что похуже.

Нужно было купить хоть что-то съестное.

Она зашла в ближайший супермаркет и тут осознала, что держит в руках большой пакет с детскими вещами, про который ей все время напоминала Ольга Фараонова. Под ее кинжальным взглядом Женины руки сами схватили пакет перед уходом.

Вот черт!

Как-то раз она зашла в этот супермаркет со своим пакетом, так вредная кассирша минут двадцать перерывала его содержимое, чтобы убедиться, что Женя не спрятала среди своего барахла плавленый сырок или бутылку кетчупа.

Самое обидное, что люди, стоявшие за ней в очереди, встали на сторону кассирши и на разные голоса костерили Женю, будто это она отнимала у них время.

48 Нет, придется сдать этот дурацкий пакет!

Возле входа в магазин была камера хранения.

Устроена она была сложно — сначала нужно было найти свободную ячейку и положить в нее свои вещи, потом закрыть дверцу и получить в автоматическом устройстве чек. На выходе из магазина этот чек нужно было приложить к сканеру, тогда твоя ячейка открывалась, и можно было забрать вещи. Пожилые покупательницы с трудом могли освоить эту последовательность действий, поэтому в камере хранения вечно была очередь.

К счастью, когда Женя вошла в магазин, толпа покупателей схлынула, наступило временное затишье, и она смогла без проблем избавиться от Ольгиного пакета.

Пройдя в торговый зал, Женя тяжело вздохнула.

Она давно пыталась перестроиться на здоровый образ жизни, начать готовить полезные и вкусные продукты, но никогда на это не хватало времени и силы воли. Вот и сейчас она представила себе, что купит кабачки и спаржу и будет час стоять у плиты, чтобы сделать из них что-то съедобное... Масло со сковородки будет брызгать на плиту и стены, кабачки обязательно подгорят, и во всей квартире будет стоять ужасный чад. А для спаржи нужно покупать соус, которого в супермаркете вечно нету, так что придется готовить его самой...

Да она за это время умрет с голоду!

И Женя, ругая себя последними словами, опять поплелась к морозильной камере, где ее поджидали готовые котлеты и блинчики, которые можно просто разогреть в микроволновке.

Тут же, в этой же морозилке, она прихватила несколько замороженных булочек.

Осознавая всю глубину своего морального падения, она бросила в тележку еще и пакет пельменей, вспомнила про хлеб и сыр и наконец поплелась к кассе, мужественно отказавшись взять сметану к пельменям.

Как всегда, работали только две кассы из четырех. На автопилоте Женя встала в более короткую очередь.

Нет бы задуматься, почему эта очередь короче!

Но она поняла, в чем дело, когда уже было слишком поздно менять диспозицию.

Кассирша, к которой она встала, работала с торжественной медлительностью царственной особы. Каждый купленный продукт она неспешно осматривала со всех сторон и чуть не обнюхивала, прежде чем пробить.

Люди в очереди тяжело вздыхали и постепенно накалялись. Женщина, стоявшая в самом хвосте очереди, демонстративно взглянула на часы и громко проговорила:

— Нельзя ли побыстрее? Мы все с работы, устали, а вы тут еле шевелитесь...

— Вы уже с работы, а я еще работаю! — обиженно отозвалась кассирша. — И вообще, быстро только кошки рождаются!

Вдруг у парня, который стоял в очереди перед Женей, зазвонил телефон. Он достал его из кармана, нажал кнопку отзыва и вполголоса проговорил:

— Да, привет... а я в троллейбусе еду, скоро буду... ну да, я же говорю — скоро!

Парень спрятал телефон, и время снова потянулось невыносимо медленно.

Наконец один покупатель отошел от кассы, перед Женей оставалось еще двое.

50 Тут у того же парня снова зазвонил телефон.
Он вытащил его и снова проговорил:

— Говорю же тебе — я в троллейбусе! Еле тащится! В пробку попал! Я же тебе говорю...

Тут мужчина, который стоял перед парнем, хорошо поставленным голосом произнес:

— Эй, задняя площадка, оплачивайте проезд! Это я вам, молодой человек!

— У меня льготный проездной! — подала голос женщина, стоящая за Женей.

Женя тоже решила подыграть парню и спросила озабоченным голосом:

— Молодой человек, вы на следующей выходите?

— Все, не могу разговаривать! Ко мне контролер подошел! — с явным облегчением проговорил парень с телефоном и спрятал трубку в карман.

Вся очередь немного повеселела, и даже кассирша зашевелилась чуть быстрее.

Наконец Женя расплатилась, сложила покупки в пакет и направилась к камере хранения.

За время ее отсутствия здесь выросла очередь из желающих сдать свои вещи. Женя протиснулась к камерам, достала чек и поднесла его к считывающему устройству.

Одна из ячеек с громким сухим щелчком открылась. Женя посмотрела на нее с удивлением. Ей казалось, что ячейка, куда она положила Ольгин пакет, была справа от считывающего устройства, а сейчас открылась ячейка в левой секции...

Женя колебалась, пытаясь вспомнить тот момент, когда убирала пакет в ячейку.

— Девушка, не задерживайте людей! — раздраженно проговорила женщина средних лет, стоящая у нее

за спиной и дожидавшаяся, когда освободится ячейка. — Вы здесь не одна! Мы все после работы, мы все устали!

Женя что-то раздраженно фыркнула, торопливо взяла пакет и вышла из камеры.

И уже на улице почувствовала, что с этим пакетом что-то не так. Он был заметно тяжелее, чем прежде.

Женя остановилась и взглянула на него.

Пакет был определенно не тот, который она сдала в камеру. Правда, он был такого же цвета — бело-голубой, но рисунок на нем был совсем другой, и теперь Женя не сомневалась, что он значительно тяжелее, чем раньше.

Женя заглянула внутрь — и растерянно захлопала глазами.

Вместо детских вещей в пакете лежала яркая картонная коробка с настольной игрой.

— Что за черт?! — вслух проговорила Женя и повернулась к магазину, из которого только что вышла.

Первой ее мыслью было, что считывающее устройство магазинной камеры хранения дало случайный сбой и ей по ошибке выдали чужой пакет.

Женя уже развернулась и шагнула к магазину, собираясь обратиться к сотрудникам. Но потом она на всякий случай проверила сумку и с удивлением нашла в ней тот самый чек, который получила в камере, когда сдала пакет на хранение. Чек лежал в том самом отделении сумки, в которое она его положила.

Но тогда какой чек она использовала, выйдя из магазина?

И тут до Жени дошло.

Она машинально вытащила чек из кошелька. Странно, за один день так привыкла к этой сумке,

52 что уже считала ее чуть ли не своей. Нехорошо...

На автопилоте она достала в камере хранения чек настоящей хозяйки этой сумки, той девушки, которую на Жениных глазах сбила машина...

Перед ее внутренним взглядом снова возникла та же картина — рассыпавшиеся по асфальту светлые волосы, кровавая лужа и мертвые, пустые глаза...

Женя постаралась избавиться от этого наваждения и переключиться на текущие заботы.

Во-первых, нужно вернуться в супермаркет и забрать там пакет с детскими вещами, а то Фараонова из нее душу вынет. Да и Ирку жалко — ей эти вещи пригодятся. Во-вторых... ну, сначала во-первых.

Женя вернулась в магазин, зашла в камеру хранения.

К счастью, очередь за это время рассосалась, никого, кто видел ее прошлый раз, не было. Женя приложила свой чек к сканеру, достала из открывшейся ячейки злополучный Ольгин пакет и наконец вышла из магазина.

Она дала себе слово хотя бы временно не думать о погибшей девушке, но не удержалась, потому что в камере хранения ей пришел в голову вот какой вопрос.

Почему у нее в кошельке оказался чек из этой камеры?

Одно из двух — или она сдала туда свой пакет и просто забыла о нем, или... или она нарочно его там оставила, чтобы зайти за ним позднее. Но какой в этом смысл?

Вообще, очень странная история.

Начать с того, что в полиции Жене заявили, что никакой аварии в том месте не было и никто не погиб.

Вот это совсем непонятно.

53

Ведь Женя видела все своими глазами.

Как это можно объяснить?

Та сбитая девушка пришла в себя, отряхнулась и отправилась по своим делам? Быть такого не может! Женя видела кровь на асфальте, видела пустые, широко открытые глаза, каких не может быть у живого человека... что же, ей все это померещилось?

Нет, так можно с ума сойти!

Не заходя к себе в квартиру, она позвонила в соседнюю, к Ирке. Дверь открыл шестилетний Ванька. Глаза его были красные, рукавом он утирал слезы.

— Что случилось? — испугалась Женя. Ванька был парень боевой, ничего не боялся и никогда не плакал.

— Ой, тетя Женя, — всхлипнул он, — у нас Танька... Танька со стола свалилась.

— Сильно расшиблась? — испугалась Женя.

— Да нет, только орала сильно.

Тут в прихожую выглянула Ирка, на руках у нее сидела зареванная дочка.

— Вроде бы ничего себе не сломала, — сказала она довольно спокойно, — а ты, злодей, сделай так, чтобы я тебя долго искала!

Ванька мигом улепетнул на кухню. На немой вопрос Жени Ирка объяснила, что оставила Таньку на брата, велела играть с ней в тихие игры, а тот, конечно, отвлекся на компьютерную игру, будь она неладна совсем, и Танька, оставшаяся без надзора, полезла на стол, как она сказала, «за апупаем».

У Ирки на стене висел прошлогодний календарь с фотографиями попугаев, Таньке они очень нравились — все яркие, разноцветные. Этот, который висел

54 последний месяц, красно-синий, ей надоел, она просто захотела перевернуть страницу календаря, где был другой попугай, желто-зеленый.

Сначала она ныла брату, но он не реагировал, тогда Танька решила справиться своими силами. Она придвинула стул и с него уже забралась на стол, а когда попыталась перевернуть календарь, Ванька это заметил и от неожиданности вскрикнул. Танька, недолго думая, спрыгнула со стола на пол. Упала и заорала от испуга. Тут прибежала Ирка и, убедившись, что дочка относительно цела, поддала Ваньке как следует. В общем, все обошлось.

— А я вот вещи принесла и еще Ваньке игру настольную.

— Никаких игр! — строго сказала Ирка. — Он наказан! — И спрятала игру в стенной шкаф.

Женя вернулась домой, состряпала ужин из купленных в магазине полуфабрикатов, привычно огорчилась и дала себе слово с завтрашнего дня перейти на здоровое питание. Ну, не с завтрашнего, но хотя бы со следующего понедельника.

После ужина она помыла посуду. Конечно, надо было бы еще прибраться как следует на кухне — пол, что ли, протереть и плиту, но было ужасно лень.

И ничего не могла с собой поделать — перед ее глазами снова появилась сбитая девушка.

И тут ей попалась на глаза ее сумка.

Нет, ей точно ничего не померещилось, она в своем уме! Вот ведь лежит сумка, вполне реальная, осязаемая вещь, которая доказывает, что та девушка действительно была, что она — не плод Жениного разыгравшегося воображения, что она попала под маши-

ну... И она, Женя, взяла чужую дорожную сумку 55
и пользуется ею как своей. Так жить нельзя.

Женя открыла сумку и еще раз перебрала ее содержимое.

На этот раз она действовала более спокойно и тщательно. Посмотрела все отделения, выложила все из косметички, просмотрела кошелек. Были еще в сумке связка ключей и расческа.

Документов в сумке действительно не было, но Женя нашла в кошельке три цветных глянцевых листочка с отпечатанными на них названиями трех ресторанов и рекламной информацией. Больше в кошельке не было ничего, кроме наличных денег, — ни карточек, ни проездного, ни прав на машину.

Женя не раз видела такие листочки, ей самой их давали в разных популярных заведениях — это были купоны на скидку при посещении трех ресторанов или кафе — «Третья платформа», «Сундук мертвеца» и «Кардамон».

Первый раз она не обратила на эти купоны внимания, но сейчас разглядела их более внимательно и заметила на каждом из них написанные от руки цифры.

На купоне кафе «Третья платформа» были выведены цифры 12.09.9.00, на купоне заведения «Сундук мертвеца» — 13.09.19.00, а на третьей листовке — 16.09.21.00.

— Да это же даты и время! — догадалась Женя.

Первая запись — двенадцатое сентября... да это же сегодня, тот самый день, когда девушка на ее глазах попала под машину. Кафе «Третья платформа» Женя знала, оно находится на Московском вокзале, рядом с центральным залом, и открывается очень рано, чтобы могли позавтракать утренние пассажиры. Там еще на

56 стенах занятные росписи — старые паровозы, поезда, усатые дежурные в старинной железнодорожной форме...

Значит, эта девушка должна была с кем-то встретиться в этом вокзальном кафе в девять утра, именно туда она спешила, когда попала под машину.

Так, в любом случае та встреча уже прошла. Но вот вторая встреча — в ресторане «Сундук мертвеца» — должна состояться тринадцатого сентября, то есть завтра.

И тут Женя внезапно для себя решила пойти на эту встречу. Так она может хоть что-то узнать о той девушке...

На купоне был указан адрес заведения — Сергиевская улица, дом шестнадцать.

Решено — завтра Женя туда пойдет после работы... кстати, и поужинает, а то сколько можно питаться полуфабрикатами! Так и желудок испортить недолго!

Правда, название «Сундук мертвеца» звучало как-то неаппетитно, должно быть, кухня у них специфическая, рассчитанная на необычный вкус.

Утром Женя подумала и решила взять ту самую сумку с собой, чтобы предъявить, так сказать, доказательство своим словам, а возможно, и отдать, если попросят. Ей чужого не надо.

Она убрала сумку в пакет, а сама решила взять старую. Но в каком та была виде... Вся потертая едва ли не до дыр, ручка болтается, скоро оторвется совсем. Женя и купила ту китайскую подделку, потому что с этой на работу уже ходить нельзя, та же Фараонова непременно выскажет, она вечно все замечает.

И что делать? Была у Жени еще совсем про- 57
стая брезентовая торба, а больше и взять не-
чего. У нее не магазин, в конце концов! И потом, Верка
обязательно сунется в пакет и удивится. А удивляться
в одиночку Верка не умеет, она обязательно весь кол-
лектив пригласит в компанию. Так что придется снова
идти с чужой сумкой.

Женя тщательно накрасилась, и все равно полу-
чилось хуже, чем вчера, потому что косметика у нее
была недорогая. Дав себе слово купить новый блеск
для губ и тушь, Женя отправилась на работу. И так
получилось, что пришла раньше всех.

— Ты чего это? — Верка влетела без пяти минут. —
Ты же раньше всегда опаздывала.

— А меня теперь на машине возят! — тут же со-
врала Женя.

Тут явился начальник, и Верке стало не до разго-
воров.

День прошел у Жени спокойно, поскольку у на-
чальника были какие-то важные переговоры, так что
Верка с ног сбилась, подавая в кабинет то кофе, то
воду, то какие-то бумаги.

Найдя шестнадцатый дом по Сергиевской улице,
Женя издали увидела вывеску нужного ей заведения.
Над входом в ресторан полоскался на ветру пиратский
флаг — черный череп и скрещенные кости на кроваво-
красном полотнище. Под этим флагом было выведено
кривыми буквами само название — «Сундук мертвеца».
Буквы названия были тускло-красные, словно напи-
санные запекшейся кровью, и капли нарисованной
крови капали с каждой буквы.

58 Для полноты впечатления перед входом стоял большой, окованный железом старинный сундук.

Женя вошла внутрь.

Сразу за дверью стоял еще один такой же сундук.

Женя подумала, что дизайнер повторяется, и второй такой же сундук — это уже неинтересно, но тут крышка сундука с жутким лязганьем распахнулась, и из него с хриплым криком «Карамба!» выскочил самый настоящий скелет.

Женя попятилась от неожиданности.

Скелет вернулся на место, крышка сундука захлопнулась, а перед Женей возник метрдотель в пиратском камзоле и треугольной шляпе, с черной повязкой на одном глазу.

— Добрый вечер! — вежливо приветствовала его Женя.

— Добр-рый! — хриплым пиратским голосом ответил метрдотель. — Фрейлейн, у вас заказано в «трюме» или в «кубрике»?

— Что? В каком «кубрике»? — растерянно переспросила Женя.

— Ну как же, синьорита, у нас два зала — «кубрик» и «трюм». В котором из них у вас заказан столик?

— Извините, но я не заказывала...

— Не заказывали? В таком случае, мадемуазель, вы не можете подняться к нам на борт! У нас все столики заказаны! Корабль переполнен, и мы больше никого не можем принять на борт!

— Да что вы? А у меня есть такой купон... может быть, он заменит заказ? — И Женя протянула суровому пирату глянцевую листовку из сумки погибшей девушки.

Метрдотель отодвинул черную повязку 59
и обоими глазами уставился на купон.

— О, ясновельможная паненка, что же вы сразу мне не сказали, что у вас есть черная метка! Милости прошу на борт! Для вас заказано место в трюме, я вас провожу!

Он вернулся на место повязку, развернулся и тяжело зашагал в глубину ресторана.

Женя следом за ним прошла через общий зал — видимо, это и был «кубрик». По стенам этого зала были развешаны якоря, гарпуны, компасы и старинные пистолеты. Большинство столиков в «кубрике» и правда было занято. Пройдя через зал, Женя вслед за «пиратом» спустилась на несколько ступенек вниз. Второй, нижний, зал ресторана был разгорожен невысокими дощатыми перегородками на отдельные отсеки, в каждом из которых находился один столик.

Метрдотель проводил Женю в один из таких отсеков, положил перед ней меню и удалился.

Женя огляделась.

Как и первый зал, «трюм» был украшен всевозможными предметами, относящимися к морской и корабельной жизни, — компасами, рулевыми штурвалами, подзорными трубами и какими-то приборами, видимо предназначенными для определения курса. Еще тут и там висели морские звезды и большие раковины.

«И зачем, интересно, я сюда пришла? — подумала Женя, оставшись одна. — На что я рассчитывала?»

До времени, написанного на купоне, оставалось десять минут. От нечего делать Женя пролиستала меню.

В нем тоже, как и следовало ожидать, преобладала морская и пиратская символика. Рыбное ассорти

60 называлось «На абордаж», мясное ассорти — «Кают-компания», сырная тарелка — «Мечта трюмной крысы», острый овощной салат — «Девятый вал», мясо, приготовленное в пиве, — «Пьяный боцман», лососина на гриле с овощами — «Обед капитана Флинта», фирменное блюдо из морепродуктов, как и следовало ожидать, — «Сундук мертвеца».

Женя подумала, что такое название не вызывает у нее аппетита, и решила взять обычный хорошо прожаренный стейк под названием «Остров сокровищ».

Как только она сделала выбор, возле ее столика появилась официантка — симпатичная девушка в тельняшке, перепоясанной широким черным ремнем, и в черной бандане. Видимо, она умела читать мысли и подходила к клиентам только в нужный момент.

Женя заказала стейк, кофе и ореховый торт, который назывался «Мечта попугая Флинта».

Девушка приняла заказ и удалилась.

Женя осталась одна.

Время подошло к шести часам — то есть к тому времени, которое было написано на купоне, прошло еще несколько минут — однако ничего не произошло.

Женя подумала, что так и должно было случиться.

С чего она взяла, что, придя в этот ресторан, она что-то узнает о погибшей девушке?

Даже если у той действительно была назначена встреча в этом ресторане — человек, который придет на эту встречу, ждет именно ту девушку и не подойдет к Жене.

«Ну и ладно! — подумала она с заметным облегчением. — Поем и поеду домой...»

И в этот самый момент где-то совсем рядом прозвучал тихий хрипловатый голос:

— Почему вы не пришли в «Платформу»? 61

— Что? — Женя завертела головой, пытаясь понять, откуда звучит этот голос.

— Почему вы вчера не пришли в кафе «Платформа»? — повторил тот же голос.

На этот раз Женя поняла, что этот голос доносится из соседней кабинки, или как это называется на корабле — каюта, что ли? Или скорее отсек...

Отсеки отделялись один от другого перегородками из грубо обработанных досок. Между этими досками были довольно широкие щели, и через эти щели соседи вполне могли незаметно переговариваться. Прямо как в каком-нибудь криминальном детективе или шпионском триллере, подумала Женя.

— Понимаете, дело в том... — начала она неуверенно, думая, как объяснить этому человеку, что пришла вместо погибшей девушки и что она случайно обменялась с ней сумками. — Дело в том, что вчера... тогда так получилось...

— За вами следили, что ли? — перебил ее невидимый собеседник. — Но вы знаете, что в таком случае следует действовать по инструкции... впрочем, это уже не важно. Я вам принес кубонето. Вы знаете, что с ним делать.

В стенке между отсеками что-то зашуршало, и через шелку проскользнул какой-то маленький тяжелый предмет. Этот предмет упал на диванчик рядом с Женей, и она машинально подняла его, чтобы лучше рассмотреть.

Это был шестигранный кубик, из тех, которые используют для игры в кости или в разных других играх, детских и не слишком детских, когда нужно внести в них элемент случайности, элемент вероятности, элемент судьбы.

62 Как на других игральных кубиках, на его гранях были нарисованы какие-то символы — но не точки, от одной до шести, и не цифры, а какие-то странные значки.

И вообще, этот кубик был необычный — не из пластмассы, не из дерева и даже не из слоновой кости. Скорее всего, он был сделан из какого-то особенного полупрозрачного стекла... нет, пожалуй, из полупрозрачного камня, может быть, даже драгоценного, и внутри него что-то клубилось и переливалось. И еще Жене показалось, что он теплый. Не горячий, а теплый, как живая человеческая рука.

Она покатила кубик в ладони — и вдруг в глубине кубика начало разгораться свечение, сначала тусклое, как угли в догорающем костре, но потом оно становилось все ярче и ярче, и сам кубик становился все теплее и теплее...

— Послушайте, — вполголоса проговорила Женя, наклонившись к щели в перегородке, — я не могу это взять! Это, наверное, дорогая вещь, а я — совсем не та, кого вы ждете!

Невидимый собеседник издал какой-то странный булькающий звук, как будто закашлялся или поперхнулся. Видимо, Женины слова удивили его — впрочем, наверняка удивили, может быть, он ей даже не поверил. Женя попыталась объяснить ему, что произошло:

— Понимаете, произошло недоразумение... вчера, когда вы должны были встретиться со своей знакомой, ее сбила машина... а я случайно оказалась рядом и перепутала сумки...

Она замолчала, не зная, что еще сказать.

И человек за перегородкой тоже не издавал ни звука.

— Вы мне не верите? — проговорила Женья. — Но это действительно так... у нас были очень похожие сумки, иначе я бы ни за что... я не взяла бы чужую вещь... А в сумке был этот купон, и я решила прийти сюда, потому что в полиции мне сказали, что никакого наезда не было, что им никто не сообщал, но я видела своими глазами, как на нее наехала такая большая черная машина...

Невидимый собеседник по-прежнему молчал.

— Как хотите, а я вам должна это вернуть!

Женья хотела просунуть кубик обратно в ту же щель, но что-то ее остановило. Нет, нужно отдать его из рук в руки! Нужно увидеть глаза того человека! А эта конспирация... да плевать на нее, что еще за тайны Мадридского двора!

Женья встала, решительно обошла перегородку и заглянула в соседний отсек.

Там сидел худощавый мужчина лет сорока, в сером клетчатом пиджаке и черной трикотажной футболке, со светлыми, коротко стриженными волосами.

Лицо у него было удивленное и растерянное, глаза — широко открыты, и он не смотрел на Женью. Он смотрел на что-то, что Женья не видела, на что-то, что не видел никто другой, кроме этого блондина.

Женья вспомнила, что совсем недавно видела такой же удивленный и неподвижный взгляд. Взгляд, устремленный на то, чего не видят все остальные.

На то, чего не видят живые.

Да, теперь Женья смогла мысленно произнести то, что поняла какой-то частью своей души сразу, как только увидела этого мужчину.

Он был мертв.

64 Из его горла, точно посередине, между ключицами, торчала рукоятка ножа. Рукоятка была маленькая, какая-то несерьезная. Но этого ножа вполне хватило для того, чтобы убить человека.

И черная футболка казалась особенно черной на его груди от залившей ее крови.

Тут Женя поняла, что это был за странный булькающий звук, который она услышала через перегородку, — этот звук издал ее невидимый собеседник, когда в его горло вонзился нож.

Но тут она поняла еще две ужасные вещи: во-первых, убийца наверняка еще совсем близко.

И во-вторых — если ее сейчас кто-нибудь увидит рядом с этим мертвым человеком, кто угодно — официантка или другой посетитель, — на нее упадет подозрение в убийстве.

Женя впала в панику.

Она отшатнулась от мертвеца, выскочила из его каюты — или отсека? Как это называется на корабле? Да не все ли равно, какая разница! Какие дурацкие мысли лезут в голову, когда мысль должна быть одна — как сбежать отсюда? Как спастись?

Женя заметалась, закрутила головой.

Вокруг были такие же кабинки, как та, где только что сидела она, и другая, где по-прежнему сидел ее мертвый собеседник. В этих кабинках ели и разговаривали люди — друзья, супруги, влюбленные пары, деловые партнеры. И все они, в отличие от Жениного невидимого собеседника, были живы.

И все они, в отличие от самой Жени, были спокойны и довольны жизнью. Они наслаждались едой, беседой, обществом друг друга (по крайней мере, неко-

торые) и не представляли, какой кошмар творится совсем рядом с ними.

65

Бежать, бежать, скорее бежать! Прочь отсюда, прочь из этого ужасного места!

Тут Женя вспомнила, что, выйдя из своей кабинки, она оставила на диванчике сумку. А в ней кошелек, полный чужих денег.

Разумеется, она теперь тратит свои, и в кошелек доложила, сколько потратила, так что оставлять сумку нельзя, вдруг ее по сумке найдут?

Она метнулась назад, схватила сумку, прижала ее к груди, быстро огляделась.

В детективных книгах и фильмах герои, в спешке покидая место преступления, непременно стирают отпечатки пальцев со всего, чего они касались. Женя схватила салфетку и огляделась — что она успела потрогать?

Мысли в голове путались, в конце концов, она бросила салфетку и снова выскочила в коридор.

Куда бежать?

В конце прохода между кабинками была полукруглая арка, через которую Женю привел в этот зал метродотель. Идти туда нельзя, там Женю остановят... Еще бы, заказ сделала, а не заплатила... Этот мужик при входе такой свирепый, настоящий пират!

А вот в другом конце того же прохода была грубая дощатая дверь, на которой висела вывеска «Гальяун».

Ну да, так, кажется, называется туалет на корабле...

В коридоре появилась девушка в тельняшке, та самая официантка, которая приняла у Жени заказ.

Еще минута, да какая минута — еще считанные секунды, и она увидит мертвого человека...

66 Раздумывать было некогда, и Женя стремглав бросилась к двери гальюна.

За этой дверью оказалось маленькое, тесное и полутемное помещение с металлическим унитазом и маленькой раковиной. Женя задвинула грубую щеколду на двери и снова завертела головой.

На стене над раковиной было круглое окошко из толстого, почти непрозрачного стекла. На корабле такое окошко, кажется, называется иллюминатор.

Женя потянулась к нему, дернула металлическую защелку.

Иллюминатор на удивление легко открылся, но за ним оказалась глухая кирпичная стена. Значит, этот иллюминатор чисто декоративный, чтобы было больше похоже на корабельный гальюн...

Кажется, Женя сама загнала себя в ловушку. Отсюда нет другого выхода, а сидеть здесь долго не удастся — рано или поздно ее отсюда выкурят...

Дверь, унитаз, маленькая раковина, фальшивый иллюминатор. Еще здесь был небольшой шкафчик из темного дерева — видимо, для моющих средств.

И никакого выхода, никакого пути к спасению...

Женя подняла руку, коснувшись лба...

И при этом что-то уронила.

Какой-то маленький тяжелый предмет покотился по полу...

Опустив глаза, Женя увидела тот странный кубик, который перед смертью передал ей невидимый собеседник, оказалось, она все время сжимала его в кулаке.

Кубик медленно, удивительно медленно катился по полу, то и дело вспыхивая своими гранями.

Вот он подкатился к шкафчику, закатился за него...

Черт, только этого не хватало!

Почему-то Женя должна была подобрать этот кубик, должна была его сохранить. 67

Она опустилась на колени, попыталась достать кубик из-за шкафчика. Щель была слишком узкой, рука в нее не пролезала. Женя попыталась отодвинуть шкафчик, но он не поддавался. Тогда она навалилась на шкафчик плечом...

На этот раз шкафчик сдвинулся с места, с громким скрипом отъехал в сторону.

Вот он, кубик!

Лежит в узком пространстве за шкафчиком, и странный красноватый свет мерцает, струится, переливается внутри него, словно что-то показывает Жене.

А над ним в стене — решетчатая дверца...

Женя закусила губу. Может быть, это путь на свободу? Выход, который показал ей удивительный кубик?

Как бы то ни было, она в первую очередь подняла кубик, спрятала его в сумочку и только после этого повернула защелку и открыла решетчатую дверцу.

За ней был прямоугольный темный проем, достаточно широкий, чтобы в него мог протиснуться гибкий и худощавый человек. Такой, как Женя.

Женя глубоко вдохнула, согнулась в три погибели и проскользнула в темноту.

Внутри было темно, тесно и пыльно.

Женя попыталась встать на ноги — но уперлась головой и плечами в потолок. Тогда она двинулась вперед на четвереньках.

Было ужасно неудобно и унижительно, в носу свербело от пыли, внизу валялся всякий мусор. Хуже всего был воздух — спертый, затхлый, с запахом мышей и какой-то химии.

68 Но она двигалась вперед — и наконец увидела впереди тусклый, едва различимый свет.

Теперь дело пошло быстрее. Еще несколько минут — и свет стал ярче, а потом Женя увидела впереди пыльное квадратное окошко, а за ним — неяркий свет и человеческие ноги.

Ноги были в джинсах, но они определенно были женские.

Женя подползла к окошку. Окно было грязное, давно не мытое, и оно было закрыто на самый обычный ржавый шпингалет. Женя дернула этот шпингалет, толкнула окошко, оно поддалось — и в Женины легкие хлынул свежий воздух.

Это был городской воздух, с парами бензина и запахом асфальта, но после затхлого воздуха того коридора, по которому Женя только что ползла, он показался ей восхитительно свежим.

Последнее усилие — и Женя выкатилась из окошка на тротуар, а потом поднялась на ноги.

Она оказалась в небольшом квадратном дворике. Рядом с ней стояла блондинистая девица в джинсах и пестрой кофте, с дымящейся сигаретой в руке. Это ее ноги Женя увидела через пыльное подвальное окошко.

Увидев Женю, девица от неожиданности выронила сигарету и удивленно вскрикнула:

— Ой, мама!

Тут же она оглядела Женю, перекосилась от отвращения и пробормотала:

— Черт, бомжей развелось! Совсем от них житья нет! — и зашагала прочь, через минуту скрывшись в задней двери продовольственного магазина.

Женя отряхнулась, поправила одежду, достала из сумочки зеркало и оглядела себя.

Вид был ужасный — вся в пыли, в волосах какой-то мусор, среди которого попался не- 69
весть откуда взявшийся трамвайный билет, макияж на
лице размазан, на воротнике коричневое пятно... нет,
в таком виде идти по улице опасно, нужно привести
себя в порядок. Но оставаться рядом с рестораном то-
же опасно.

Женя направилась к арке, которая соединяла пер-
вый двор со следующим. Из второго двора перешла
в третий, из третьего — в четвертый и скоро затеря-
лась в запутанном лабиринте бесконечных петербург-
ских дворов.

Всюду одна и та же картина: старые гаражи, ржа-
веющие машины, чахлые деревца, кое-где скамейки
с вырезанными на них грубыми надписями, кое-где
детские площадки с качелями и катальными горками,
но теперь она была достаточно далеко от злосчастливого
ресторана и от труп в кабинке...

Почувствовав себя спокойнее, Женя снова достала
зеркало.

Вид, конечно, ужасный, но все-таки та девица то-
же не права — где она видела бомжей в таких при-
личных джинсах и с дорожкой фирменной сумкой?

К счастью, во дворе не было ни души.

Женя прошла к детской площадке, села на скамей-
ку и принялась за свою внешность. Через пятнадцать
минут она уже была почти похожа на человека и ре-
шила, что уже может в таком виде выйти на улицу
и добраться до дома.

*Подойдя к богатому дому с колоннами, над входом
в который был высечен в камне щит с гербом древне-
го шотландского рода Гамильтонов — два льва и два*

70 геральдических древа на серебряном щите, пожилой джентльмен постучал в дверь дверным молотком в форме руки со сложенными для крестного знаменья пальцами.

Вскоре дверь отворилась, и на пороге появился заspanный человек с видом таким важным и величественным, что в нем сразу можно было признать дворецкого.

— Что за шум? — спросил он недовольным голосом. — Ежели не угомонитесь, я вызову ночную стражу!

— Стража уже здесь! — проговорил пожилой джентльмен. — Сударь, извольте сообщить его светлости о нашем прибытии!

— Неужели вы думаете, что я стану будить его светлость? — проворчал дворецкий. — Не говоря уже о том, что здоровье его не позволяет... впрочем, что я перед вами распинаюсь!

Тут в разговор вмешалась девушка.

— Извольте сообщить лорду, что в его дом прибыла принцесса Лакимираны со спутником, полковником Стрейнджером.

— Принцесса? — Лицо дворецкого переменилось, на нем засветилось почтение, какое прирожденный английский слуга испытывает к всевозможным титулам. — Извольте пройти в приемную, ваше высочество! Я сию же минуту доложу его светлости!

Ночные гости прошли в богато обставленную приемную. Дворецкий удалился со всей прытью, которую позволяло его чувство собственного достоинства, и через считанные минуты возвратился, чтобы сообщить, что его светлость приносит принцессе свои извинения за то, что не может спуститься к ней, и просит ее высочество и ее спутника соизволить подняться в его спальню.

Усталые путники в сопровождении дворц- 71
кого поднялись по мраморной лестнице и вошли
в большую полутемную комнату, значительную часть
которой занимала высокая кровать под пышным бал-
дахинном.

В этой кровати на подушках полулежал чрезвы-
чайно бледный господин преклонных лет с длинным по-
родистым лицом, изможденный тяжелой болезнью.
О том же говорил царящий в комнате запах лекарств
и благовоний.

Остановившись перед постелью, девушка отбросила
край вуали, закрывавшей ее лицо. Темные, вырази-
тельные глаза и смуглое лицо говорили о восточном проис-
хождении красавицы.

— Ваше высочество! — проговорил больной, с тру-
дом приподнимаясь на подушках и тяжело дыша от
этого усилия. — Как я рад видеть вас после стольких
лет! Сколько же лет прошло после нашей последней
встречи? Пять? Шесть?

— Семь лет, милорд!

— Неужели уже семь? Никогда бы не подумал! Ну
да, время летит неумолимо! Тогда вы были еще поч-
ти ребенком... милым созданием, игравшим во дворце
своего батюшки... как, кстати, его здоровье? И какие
обстоятельства вынудили вас совершить столь дальнее
и столь опасное путешествие?

Гордое лицо принцессы отразило глубоко скрытое
страдание.

— Мой отец, раджа Кашпура, погиб... он убит...

— Как?! — воскликнул больной. — Я не могу пове-
рить своим ушам! Как это случилось?

— Против него составил заговор, во главе кото-
рого стоял племянник моего отца, мой троюродный

72 *брат. Он подкупил часть дворцовой стражи, состоявшей из наемников-раджпутов, ночью с толпой изменников-головорезов ворвался в батушкину спальню и заколол моего отца. Мне удалось спастись чудом — и это чудо совершил присутствующий здесь полковник Стрейнджер, командир английского батальона, сохранившего верность законному радже.*

— *Ее высочество слишком добры ко мне... — скромно возразил пожилой спутник принцессы.*

— *Ничуть, вы действительно совершили чудо! Почти все англичане были перебиты мятежниками, но полковник сумел вынести меня из дворца в свернутом ковре и доставить в соседнее княжество, миновав множество опасностей.*

В том княжестве у меня были родственники, однако и там я не была в безопасности, поскольку новый раджа Кашпура, подлый узурпатор, потребовал моей выдачи. К счастью, тамошний раджа оказался порядочным человеком, верным своим прежним обязательствам. Он предупредил меня о грозящей опасности и помог добраться до приморского города. Оттуда мы с большими трудами и опасностями приплыли в Лондон. Я помню вашу доброту, милорд, и надеюсь, что вы не оставите меня без помощи...

— *Конечно, дитя мое, ваш батюшка был большим моим другом, и позаботиться о вас, о вашей судьбе — мой первейший долг. Правда, здоровье мое, как вы видите, оставляет желать лучшего, но я сделаю все, что в моих силах, чтобы вы ни в чем не нуждались и заняли достойное положение в обществе!*

Лорд сделал небольшую паузу, чтобы девушка вполне оценила его слова.

— А пока, Митчем, — он обратился к дворецкому, — разместите нашу гостью и ее спутника в достойном их помещении. Час поздний, и они наверняка очень устали.

— Я думаю, гербовая комната подойдет ее высочеству! — с достоинством произнес дворецкий. — Полковнику же будет вполне удобно в голубой спальне.

— Благодарю вас, — принцесса кивнула. — Только сперва окажите полковнику необходимую помощь. Он ранен, и я вижу, что силы его на исходе.

— Ничего страшного, миледи, я вполне здоров... — ответил полковник, но бледность его лица говорила об обратном, и он вынужден был опираться на трость, чтобы не упасть.

— Я разбужу мистрис Дженни, нашу домоправительницу, она прекрасно умеет лечить раны и недуги слуг. А завтра, едва рассветет, мы вызовем доктора Хокинса.

Ирина снова попыталась сосредоточиться на тексте, который редактировала.

Ну что за напасть — как только начинаешь работать, так неудержимо клонит в сон! С другой стороны, с чего ей бодриться-то? Танька капризничала всю ночь, у нее всегда так: если наорется вечером, то ночью ни-почем не заснет. Уж Ирина ее укачивала, на руках носила, молоком поила, песни пела — никакого толка! Да, маленькие детки спать не дают, это точно...

А теперь зато Танька дрыхнет себе, а ей, Ирине, работать надо. И так уже редактор звонила — что-то вы, Ирина Анатольевна, рукопись задерживать стали... Этак у нас работа не пойдет...

И вот почему это начальники всегда употребляют местоимение «мы»? Ведь ясно же, что если Ирину

74 работа их не устроит, то выгонят ее, а редактора найдут другого надомника. Так при чем тут «мы»?

Выпить бы чашечку кофе... но кофе в доме, как назло, кончился, утром она высыпала последние крошки.

Придется обойтись... но как же хочется спать!

«Сержант Джонсон выхватил из кармана пистолет и снял его с глушителя...»

Почему с глушителя? С предохранителя, конечно...

Ирина исправила слово и продолжила.

«Руки вверх! — крикнул сержант нечеловеческим голосом...»

Ну почему нечеловеческим? Неужели нельзя придумать другое, более подходящее слово?

Она стала мысленно подбирать более подходящие синонимы, но никак не могла сосредоточиться, ей мешал какой-то посторонний назойливый звук.

Прислушавшись, она поняла, что звук доносится из соседней квартиры.

Ирина работала на кухне, потому что в комнате спала Танька, да и вообще удобнее — можно за супом приглядеть. Суп она варила густой и обязательно с мясом, чтобы и первое, и второе. Детей приучила к этому. Таньке вместо обеда, а Ванька и вечером его поест. Экономия...

Ирина снова прислушалась. Рядом, за тонкой стенкой, находилась кухня ее соседки, Жени Корольковой. Так вот, из Жениной кухни и доносились отвлекающие ее звуки.

Странно, Женька должна быть на работе, Ирина утром видела, как та уходила. Расфуфырилась вся, и сумка новая.

Ну, в конце концов, мало ли — приболела и отпросилась домой или ее отправили в местную командировку, а она быстро управилась и решила не возвращаться на работу... 75

Ирина вернулась к редакции.

«...Руки вверх! — крикнул он нечеловеческим голосом...»

Ирина почувствовала, что на самом деле засыпает, ей даже начал сниться какой-то сон. В этом сне сержант Джонсон оказался не человеком, а большой вислоухой собакой. Ну, тогда понятно, почему он кричит нечеловеческим голосом...

Ирина вздрогнула и проснулась.

Нет, так дело не пойдет! Так она много не работает! Нужно обязательно выпить кофе, в противном случае она не сдаст редактуру вовремя, и ее уволят. А где найти еще такую работу? Вот если бы Танька в ясли пошла...

Из-за стены снова донеслись странные звуки.

Определенно, у Женьки кто-то есть. Скорее всего, она сама пораньше пришла с работы.

Ага, но если Женька дома — можно попросить у нее немножко кофе! У Женьки наверняка есть хороший молотый кофе... Это Ирина из экономии пьет растворимую дрянь, а Женька совсем не готовит, может и гамбургеров натрескаться, но вот кофе у нее всегда отличный, и кофеварка капслюльная.

Ирина представила себе чашечку горячего дымящегося кофе с ароматной пенкой, и ей показалось даже, что она почувствовала божественный запах... к ее столику подошла официантка и поставила перед Ириной чашечку эспрессо...

76 Господи, она опять задремала! Еще бы, кафе ей только снится, два года уже нигде не была, ну да, как Танька родилась, так и осела дома.

В голову тут же полезли воспоминания, как провела она эти два года, как ждала каждый вечер, в каком виде вернется муж, как замазывала ночами синяки, как старалась не кричать, когда он бил, чтобы соседи ничего не узнали. И потом этот ужас, когда увидела на полу скорченное тельце Ваньки. Черт, ну дала же себе слово не думать об этом!

Все позади, муж больше сюда ни ногой, дай бог здоровья Гераше. Уж она-то знает, что муж — жуткий трус. Трус и подлец, признает только грубую силу. Так что денег с него она никогда не получит. Ну, зато дети этого, с позволения сказать, папочку никогда не увидят. Чем такой родитель, лучше вообще никакого.

Сонливость пропала, но голова от мыслей стала тяжелой, как чугунная болванка. Нет, нужно что-то делать!

Ирина встряхнула головой, чтобы разогнать остатки сна, вышла на лестничную площадку, подошла к соседней квартире. Из-за двери доносились шаги и какие-то непонятные звуки, похожие на скрип передвигаемой мебели, — что она там, уборку затеяла? Тоже мне, нашла время! И вообще на Женьку это не похоже, она домашним хозяйством не увлекается.

Ирина позвонила.

Звонок гулко прозвучал за дверью.

Странные звуки затихли, за дверью воцарилась настороженная тишина.

— Женька, ты дома? — окликнула Ирина соседку. — Открой! У тебя кофе есть?

На ее призыв никто не отозвался.

— Что она, заснула, что ли? — Ирина немножко выждала и снова позвонила. 77

Длинная трель раскатилась по соседской квартире, но к двери никто не подошел.

«Может, мужчина у нее... — подумала Ирина. — Неудобно получилось... но, в конце концов, что такого? Женька — женщина взрослая, одинокая, имеет право принимать, кого хочет... А вдруг он женатый и шифруется почище Штирлица? Тогда пускай тихо в комнате сидит, я кофе отсыплю да и пойду к себе. Обойдусь без капсьюльной кофеварки, в кастрюльке заварю...»

Ирина на всякий случай еще немного постояла возле двери, прислушиваясь, — но из-за двери не доносилось ни звука.

Она пожала плечами и вернулась в свою квартиру, раздумывая над странным поведением соседки.

Ладно, как бы то ни было, она расходилась и больше не хотела спать. Можно было продолжать работу.

«Сержант Джонсон подошел к углу склада, но прежде чем зайти за угол, выставил вперед карманное зеркальце на длинной ручке...»

За стеной что-то с шумом упало.

Да что там у Женьки творится?

Работать в такой обстановке было невозможно, голова была занята тем, что происходило в соседней квартире.

Там снова что-то упало, громко звякнуло и рассыпалось мелкой дробью, как будто на пол высыпали пакет гороха.

Ирина вскочила, подошла к окну, выглянула в него.

Окно Женькиной кухни было совсем рядом, но как в него заглянуть? Жаль, что у нее нет крыльев или пропеллера с мотором на спине, как у Карлсона...

78 И тут она вспомнила переводной детектив, который как раз сейчас редактировала. Как там поступил хитроумный сержант Джонсон? Прежде чем завернуть за угол склада, он выставил вперед зеркало на длинной ручке...

Ирина выдвинула ящик кухонного стола, где у нее валялись всякие бытовые мелочи. Попутно она привычно расстроилась, что в этом ящике жуткий беспорядок, и подумала, что надо наконец прибраться, но только не сегодня.

Зеркало она быстро нашла, но оно было без ручки.

Ирина немного подумала, еще раз перерыла ящик и среди всякого ненужного барахла нашла длинную деревянную линейку.

— Надо же, где я только ее не искала! — пробормотала удивленно. — Не зря говорят, подальше положишь — поближе возьмешь!

Немного подумав, Ирина прикрепила зеркало к линейке при помощи куска прозрачного скотча, проверила, надежно ли оно держится, и вернулась к окну.

Она залезла на подоконник, выставила самодельный перископ в окно, вытянула руку как можно дальше и повернула его так, чтобы увидеть соседнее окно.

Это оказалось совсем не просто.

Ирина легла животом на подоконник, она тянула руку, как могла, и наконец увидела в зеркале окно Женькиной квартиры — но за этим окном не было видно ничего, кроме вытяжки над плитой.

Она сдвинулась еще дальше, почти свесившись из окна, и по-всякому поворачивала зеркало.

Скосив глаза вниз, увидела маленькие, суетливо снующие фигурки людей на тротуаре и испугалась — не сорваться бы с такой высоты! У нее дети, куда они без нее?

Нет, только не смотреть вниз!

79

Ирина перевела глаза на зеркало и увидела мелькнувшее в нем плечо в сером свитере.

Определенно мужское плечо.

Плечо тут же исчезло — неизвестный мужик не стоял на месте, он сновал по кухне, как заведенный. Есть, что ли, захотел? Ну, Женька дает — мужик пришел, а она и накормить его не может! Хотя, с другой стороны, что он, жрать, что ли, пришел? Если жена-тый — так пускай жена его и кормит!

Ирина потянулась еще немного вперед, повернула зеркало под невыслышимым углом — и наконец поймала незнакомца.

Откровенно говоря, препротивный тип — рыжий, с розовой, словно ошпаренной кожей, красными, как у кролика, глазами и торчащими вперед беличьими зубами.

Неужели у Женьки роман с этим уродом?

Но тут Ирина еще немного повернула зеркало и увидела, что этот рыжий урод делает на Женькиной кухне.

Он один за другим открывал, точнее, распахивал кухонные шкафчики и выбрасывал из них все содержимое. На полу уже образовалась изрядная куча — сахар валялся вместе с солью, мука с макаронами, а сверху — пачка молотого кофе...

Ирина невольно сглотнула слюну.

Да что же это такое!

Выходит, Женьки нет дома, а этот рыжий хмырь вломился в ее квартиру с явно криминальными целями! Он что-то у Женьки ищет, что-то ценное...

Ирина еще немножко вытянулась вперед, чтобы разглядеть получше этого злоумышленника. Она сно-

80 ва поймала в зеркале его розовое лицо — и тут он, видимо, что-то услышал или почувствовал, во всяком случае, повернулся к окну — и Ирина встретилась в зеркале со взглядом его красных глаз.

Может быть, ей это только показалось, но она ужасно испугалась, выронила свой самодельный перископ и сама чуть не сорвалась с подоконника.

Она с трудом зацепилась за раму и сползла назад, на свою кухню.

И задумалась — что делать?

Звонить в полицию?

А может, это все же Женькин знакомый?

Но что-то же надо делать!

Ирина снова выдвинула тот же ящик и вытащила из него скалку. Скалка была очень старая, еще от тетки осталась. Добротная, толстая и тяжелая — отличное оружие ближнего боя, ничуть не хуже бейсбольной биты, которую использовали персонажи того романа, что она сейчас редактировала.

Вооружившись таким образом, Ирина снова вышла на лестничную площадку, опасливо подошла к соседней квартире, взяла скалку на изготовку и громко проговорила:

— Имей в виду — я уже вызвала полицию! Так что лучше выметайся прочь, пока не поздно!

На ее грозную речь никто не ответил. И вообще, на этот раз в Женькиной квартире царил тишина.

— Ну как знаешь! — снова заговорила Ирина. — Но полиция вот-вот приедет!

И снова ни звука.

Тогда Ирина на всякий случай потянула за ручку двери...

И дверь легко открылась.

Черт, выходит, злоумышленник уже сбежал? 81

Ирина заглянула в прихожую.

Там творился жуткий кавардак, но никого не было.

Опасливо оглядываясь и держа наготове скалку, Ирина обошла всю квартиру — и никого в ней не нашла.

Но всюду — и в коридоре, и в комнате, и в кухне — царил полный разгром. Все шкафы распахнуты, все их содержимое вывалено на пол, одежда скомкана...

Значит, тот рыжий уголовник увидел ее в зеркале и успел сбежать из квартиры.

В общем, бедной Женьке предстоит ужасное возвращение. Ну, надо будет ей хотя бы помочь навести порядок.

А для начала позвонить и подготовить ее, рассказать, что здесь случилось в ее отсутствие, чтобы для нее этот жуткий разгром не был сюрпризом...

Ирина взглянула на часы — восьмой час, а что это Женька сегодня задерживается? С другой стороны, Ирина ведь ей не свекровь, не следит и отчета не спрашивает. Женька может после работы и в ночной клуб закатиться, и в ресторан. Хотя она редко так делает, говорит — денег на рестораны и клубы нету. Ну, уж не Ирине на отсутствие денег жаловаться....

Думая так, она набрала номер соседки. Там ответили не сразу, и голос у Женьки был какой-то гнусавый, плачет она, что ли?

— Жень... — протянула Ирина, — Женечка, ты только, пожалуйста, не волнуйся...

— Ну что еще стряслось, — вздохнула Женька, — пожар, потоп, говори уж, у меня сегодня такой денек, что во все поверю.

— Ограбление! — бухнула Ирина, потому что из комнаты раздался рев проснувшейся Таньки. У нее

82 всегда так — просыпается с ревом, нужно ее развеселить, приласкать.

— Квартиру твою вскрыли, — несясь в комнату, крикнула Ирина, — только не знаю, чего взяли! Дверь открыта, я ее шваброй заклинила. Если ты скоро будешь, то я покараую.

— Да я уж возле дома...

Ирина не успела удивиться, отчего соседка так спокойно приняла весть об ограблении, Танька заорала уже на уровне ультразвука.

— Иду, иду! — Она подхватила дочку на руки и заметила, что на зареванном личике проступил синяк после вчерашнего падения со стола. Может, у нее сотрясение мозга?

Женю соседка встретила возле самого лифта с дочкой на руках. Танька уже успокоилась и радостно замахала руками при виде знакомого лица.

— Жень, ты только не расстраивайся... — завела Ирина привычную песню, — главное — все живы, здоровы...

И споткнулась на полуслове, потому что увидела Женькино опрокинутое лицо. Надо же, как ее прихватило, а Ирина-то всегда думала, что Женька — ужасная пофигистка, ей все, по ее же собственным словам, по барабану.

Женька тем временем нашарила в сумке ключи и стала бестолково тыкаться в замок. Причем руки так дрожали, что она никак не могла попасть в скважину.

— Да дверь же открыта! — опомнилась Ирина и отобрала у Женьки ключи, мимоходом удивившись их тяжести. И то сказать, у Женьки было на двери два замка и два ключа соответственно. Ну, еще от почтового ящика ключик. А тут — три ключа от замков доро-

гих, хороших и еще один — старый, с красивой фигурной бородкой, самый тяжелый, тускло-желтого металла.

83

— Ни фиги себе! — сказала Женька, увидев собственную прихожую. — Тут что, стадо бизонов резвилось?

— Так я же тебе говорю! Сижу это я, работаю, спать хочу — умираю прямо... — Ирка, торопясь и захлебываясь словами, рассказала историю с самого начала. За это время они с Женькой прошлись по квартире. Везде царил ужасный беспорядок — и на кухне, и в комнатах. Только до ванной грабитель не добрался, похоже, просто не успел, Ирка его спугнула.

— Дверь он отмычкой открыл, потому что я ничего не слышала. Ты ключи не теряла? — спросила Ирина.

Женька вытащила из кармана куртки связку ключей, затем показала на пол в кухне — там как раз валялись ключи запасные. Ирина еще раз удивилась, откуда же тогда те, что Женька вытащила из сумки, но ничего не сказала, в конце концов, какое ей дело.

— Ты проверь — ничего ценного не пропало?

— Да у меня в квартире ничего ценного и нету, — отмахнулась Женька, — деньги, что есть, с собой ношу.

Это было верно: жила Женька бедновато, то есть по сравнению с Ириной, конечно, получше, но не было у нее ни одежды дорогой, ни драгоценностей фамильных. Вместо браслетов носила она какие-то плетеные фенечки, а уши вообще были не проколоты. В одной комнате притулился старенький допотопный телевизор, еще бабушкин, даже компьютера нет, Женька говорит — если что надо, на работе можно воспользоваться.

— И что теперь делать? — уныло спросила Женька, с грустью глядя на разоренную квартиру. — Да тут за год не убратся!

84 — Да ладно тебе! — Ирина выпрямилась и за-сучила рукава. — Это не проблема. Видела бы ты, что мой бывший устраивал, когда пьяный до-мой являлся!

Спущенная с рук Танька с победным криком устре-милась на кухню и стала там копать в рассыпанных на полу макаронах и гречке.

Когда в квартире был наведен относительный поряд-ок — ну или какое-то подобие порядка, так что в нее не страшно было войти, — Ирина спохватилась:

— Ой, мне же еще к врачу с Танькой нужно!

— К врачу? — удивленно переспросила Женя, взглянув на часы. — Так поздно?

— Да у меня номера нет, не успела взять, но я Еле-не Ивановне позвонила, и она велела прийти в самом конце приема, когда все люди с номерами уже пройдут. Надо скорее бежать, а то как бы она не ушла. Так ты посидишь часок с Ванькой? Он с Лешкой соседским играет, сейчас я парня выпровожу, и Ванька твой.

— Ну конечно! — После того как Ирка спугнула вора, а потом помогла ей навести порядок в разгром-ленной квартире, Женя ни в чем не могла ей отказать. Да, честно говоря, она любила Ваню и с удовольствием проводила с ним время.

Они перешли в Ирину квартиру.

— Он уже ужинал, — инструктировала соседку Ирина, торопливо одевая дочку. — Где-нибудь че-рез полчаса уговори его помыться и уложи. Он се-годня устал, так что нужно лечь пораньше. Правда, честно тебе говорю — мыться он не любит... ну, ты уж как-нибудь попробуй уговорить! Ну все, мы пошли!

Ванька на полу возился со своим конструктором, но как только дверь за Ириной захлопулась, он поднялся и проговорил:

— Женя, давай посмотрим *ту книжку!*

Женя сразу поняла, о чем идет речь.

Ванька ужасно любил рассматривать вместе с ней толстую иллюстрированную книгу про динозавров. Книжка была бабушкина — лежала в ее бывшей комнате на комод, потому что в шкаф не помещалась. Откуда она у бабушки взялась, Женя понятия не имела, просто помнила ее с самого детства.

Ваньке не нужно было, чтобы Женя читала скучный текст — она должна была рассказывать истории про каждого динозавра, причем каждый раз новые.

Они уселись рядышком на диване, раскрыли толстую книгу и стали разглядывать картинки. Женя выдумывала истории про маленького динозаврика и его папу-бронтозавра, про злого тирекса и смелого птеродактиля...

Наконец Ваня захлопнул книгу и заявил:

— А теперь поиграем в ту игру, которую ты принесла! Ну ты, в большой коробке!

Женя вспомнила Иркино предупреждение и ответила голосом главаря мафии из старого фильма:

— Давай заключим с тобой договор.

— Какой еще договор? — Ваня посмотрел на нее с подозрением, явно ожидая подвоха.

— Ты сам — сам! — примешь душ, а потом мы с тобой обязательно поиграем.

Ваня все еще колебался, и тогда Женя добавила искусительным голосом:

— Представляешь — сам, как взрослый! Или ты боишься? Или ты не умеешь сам мыться?

86 И Ванька попался в ее нехитрую ловушку.

— Чего это я не умею?! — воскликнул он возмущенно. — Я уже два раза сам мылся!

— Что, неужели правда? — недоверчиво переспросила Женя. — Ну я просто не могу поверить! Неужели уже целых два раза? Нет, ты, наверное, шутишь!

— Честное пиратское! — гордо заявил Ваня. — Не веришь? Я тебе сейчас докажу!

И он сам отправился в ванную, и сам забрался в кабинку, и сам включил душ, и сам намылился. Правда, Женя немножко помогла ему вымыть голову, и он чуть-чуть захныкал, когда мыло попало в глаза, но в целом все прошло на редкость удачно.

— Ну вот, теперь ты мне веришь? — проговорил он, самостоятельно натягивая пижамку.

— Да, теперь верю! Но я просто потрясена!

— Значит, мы поиграем в ту игру?

— Обязательно. Только давай ты ляжешь в кровать, и мы будем играть прямо там?

— Ну, ладно... — неохотно согласился Ваня и прошепел босиком к своей кровати.

Женя принесла коробку, открыла ее, вынула и разложила картонное игровое поле. Игра была на редкость красивая — узкая дорожка, вымощенная желтой кирпичной крошкой, извивалась среди пышного тропического леса, пересекала горные ущелья, пробегала мимо мрачных замков и уютных домиков под черепичной крышей.

В какой-то момент Жене показалось, что рисунки на игровом поле меняются, колеблются, как мираж в пустыне, — но она моргнула, и этот странный эффект пропал.

В той же коробке лежали несколько игровых фишек, несколько маленьких человечков, вырезанных то